

"Страх и трепет"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Господин Ханеда был начальником господина Омоти, который в свою очередь был начальником господина Саито, который являлся начальником мадемуазель Мори, которая была моей начальницей. Я же не была начальником ни у кого.

Можно было сказать и по-другому. Я была подчинённой мадемуазель Мори, которая была подчинялась господину Саито, и так далее, с одним уточнением, что распоряжения, двигаясь сверху вниз, могли перепрыгивать иерархические ступени.

Таким образом, в компании Юмимото я была в подчинении у всех.

8 января 1990 года лифт выплюнул меня на последнем этаже здания Юмимото. Окно в конце холла притянуло меня, словно разбитый иллюминатор самолёта. Из окна были видны такие далёкие уголки города где я вряд ли бывала когда-нибудь.

Я совсем забыла предупредить о своём приходе в приёмной. Честно говоря, я не думала ни о чём, кроме очарования пустоты за оконным стеклом.

Хриплый голос сзади произнёс моё имя, и я обернулась. Маленький, худой, некрасивый мужчина лет пятидесяти недовольно смотрел на меня.

— Почему вы не предупредили администратора о своём приходе? — спросил он.

Я не знала, что ответить, и промолчала. Потом сторбилась, понимая, что за десять минут, не сказав ни слова, уже произвела дурное впечатление в день моего поступления на работу в компанию Юмимото.

Мужчина назвал себя господином Саито. Он проводил меня через бесконечные огромные офисы. По дороге меня представили несметному числу служащих, чьи имена я забывала по мере того, как они сменяли друг друга.

Затем мы вошли в кабинет господина Омоти, огромного и устрашающего, каким и должен быть настоящий вице-президент.

Потом господин Саито показал мне на одну дверь и торжественно объявил, что за ней кабинет господина Ханеды, президента. Само собой разумеется, нечего было и помышлять о встрече с ним.

Наконец, он привёл меня в огромную комнату, где работало около сорока человек, и указал мне моё место, напротив моего непосредственного руководителя мадемуазель Мори. Она была на совещании, и я увижусь с ней после обеда.

Господин Саито кратко представил меня всему собранию. После чего спросил, люблю ли я преодоление трудностей. Было ясно, что я не имела права сказать нет.

— Да, — сказала я.

Это было первое слово, произнесённое мной в стенах компании. До сих пор я ограничивалась кивком.

«Трудность», которую мне предстояло преодолеть, состояла в том, чтобы написать по-английски письмо некоему Адаму Джонсону и сообщить ему, что господин Саито принимает его приглашение поиграть с ним в гольф в будущее воскресенье.

— Кто такой Адам Джонсон? — имела я глупость спросить.

Мой начальник безнадежно вздохнул и не ответил. Было ли нелепым не знать, кем был господин Джонсон, или же мой вопрос был бестактен? Я никогда этого не узнала, как и не узнала того, кто такой Адам Джонсон.

Задание показалось мне простым. Я села и написала сердечное письмо: господин Саито был счастлив поиграть в гольф в будущее воскресенье с господином Джонсоном, и посылал ему уверения в своей дружбе. Я отнесла письмо шефу.

Господин Саито прочёл мою работу, презрительно вскрикнул и порвал листок:

— Переделайте.

Я подумала, что была слишком любезной и фамильярной с Адамом Джонсоном, и составила холодный и отстранённый текст: господин Саито подчиняется воле господина Джонсона и согласно его желанию, поиграет с ним в гольф.

Мой начальник прочёл, презрительно фыркнул и снова все порвал:

— Начните заново.

Мне захотелось спросить, что здесь не так, но было ясно, что мой шеф не выносил вопросов, как уже показала его реакция на мою попытку выяснить личность получателя. А значит, я должна была сама догадаться, как следует обращаться к таинственному Адаму Джонсону.

Несколько часов ушло на составлении посланий этому игроку в гольф. Господин Саито придавал ритм моей работе, всякий раз разрывая лист без каких-либо объяснений, кроме тех вскрикиваний, которые повторялись как припев. Мне приходилось с каждым разом изобретать новую формулировку.

Это было занимательное упражнение: «Прекрасная маркиза, глядя в ваши красивые глаза, я умираю от любви», право же, фраза не лишена остроумия. Я решила поиграть словами: «А что если Адам Джонсон станет глаголом, будущее воскресенье подлежащим, игрок в гольф дополнением, а господин Саито наречием? Будущее воскресенье согласно прийти господинсаитно адамджонсовать игрока в гольф. Получи, Аристотель!»

Я здорово развлекалась, когда мой начальник остановил меня. Он порвал энное письмо и сказал, что пришла мадемуазель Мори.

— Сегодня после обеда вы работаете с ней. А пока принесите мне кофе.

Было уже 14 часов. Мои эпистолярные гаммы так захватили меня, что я не подумала сделать ни малейшего перерыва.

Поставив чашку на стол господина Саито, я повернулась. Ко мне направлялась высокая, долгая словно лук, девушка.

Всегда, когда я вспоминаю Фубуки, мне представляется японский лук выше человеческого роста. Потому я и нарекла это предприятие «Юмимото», что означало «лук и компания».

И когда я вижу лук, я снова думаю о Фубуки, ростом выше любого мужчины.

— Мадемуазель Мори?

— Зовите меня Фубуки.

Я уже не слушала того, что она говорила мне. Мадемуазель Мори была ростом один метр семьдесят сантиметров, рост, которого редко достигал японский мужчина. Она была восхитительно стройна и грациозна, несмотря на японскую негибкость, которой ей пришлось принести себя в жертву. Но более всего меня очаровало великолепие её лица.

Она разговаривала со мной, а я слушала её мягкий интеллигентный голос. Она показывала мне папки, объясняла, о чём шла речь, улыбалась, а я не замечала, что не слушаю её.

Затем, она предложила мне прочесть документы, которые были приготовлены на моём столе, стоящем напротив её собственного, и принялась за работу. Я послушно листала бумажки, которые мне дали просмотреть. Это были регламенты и перечни.

При взгляде на её лицо в двух метрах передо мной у меня захватывало дух. Её опущенные над цифрами веки мешали ей увидеть, что я её изучала. У неё был самый красивый в мире нос, японский нос, этот неповторимый нос с тонкими деликатными ноздрями, которые узнаешь среди тысяч. Не каждый японец обладает таким носом, но если кто-нибудь имеет такой нос, он может быть только японского происхождения. Если бы у Клеопатры был такой нос, география планеты претерпела бы серьёзные изменения.

К вечеру было бы мелочным полагать, что ни одно из моих знаний, благодаря которым меня приняли на работу, не послужили мне. В конце концов, я хотела работать на японском предприятии, и я добилась своего.

Первый день на работе показался мне замечательным. Потом я убедилась, что именно таким он и был.

Я всё ещё не понимала, какова была моя роль на этом предприятии, и мне было всё равно. Кажется, на господина Саито моё присутствие действовало угнетающе, но меня это не волновало. Я была очарована своей коллегой. Ради одной дружбы с ней я согласна была оставаться по десять часов подряд в стенах компании Юмимото.

Матово-белый цвет её лица был в точности таким, о котором говорил Танидзаки. Фубуки в совершенстве воплощала японскую красоту, поражал лишь её рост. Лицо, венчавшее её долгий силуэт, было подобно «гвоздике древней Японии», символу благородной девушки прошедших времён. Ему было суждено царить над миром.

Юмимото была одной из самых крупных компаний мира. Господин Ханеда руководил отделением Импорта-Экспорта, который покупал и продавал всё, что существовало на планете.

Импортно-экспортный каталог Юмимото был титанической версией стихов Превера 2 : от финского эмментала 3 до сингапурской соды, мимоходом через канадское оптическое волокно, французские покрышки и тоголезский джут, всё было охвачено каталогом.

Деньги в Юмимото превосходили человеческое воображение. Начиная с некоторого нагромождения нулей, суммы покидали мир чисел и переходили в область абстрактного искусства. Мне было интересно, был ли в компании индивидуум, способный обрадоваться выигрышу в сто миллионов йен или оплакивать потерю этой же суммы.

Служащие Юмимото, так же, как и нули, приобретали своё значение, только стоя позади

других цифр. Все, кроме меня, потому что я не достигала даже значения нуля.

Шли дни, а от меня до сих пор не было никакой пользы. Но меня это совсем не тревожило. Казалось, обо мне забыли, и в этом была своя прелесть. Сидя за своим столом, я читала и перечитывала документы, которые мне дала Фубуки. Они были чудовищно неинтересны, за исключением одного, в котором перечислялись служащие Юмимото: там были вписаны фамилии, имена, дата и место рождения.

Сами по себе эти сведения не содержали ничего завораживающего. Но когда голоден, то и краюшка хлеба выглядит аппетитно: в состоянии бездействия и поста, в котором находился мой мозг, этот список показался мне столь же пикантным, как какой-нибудь журнал скандалов. По правде говоря, это было единственным документом, который я понимала.

Чтобы иметь вид работающего человека, я решила заучить список наизусть. В нём было около сотни имён. Большинство служащих состояло в браке и имело детей, что усложняло мою задачу.

Я зубрила, склоняясь над папкой, потом поднимала голову, чтобы повторить про себя. Всякий раз, отрываясь от папок, я видела Фубуки, сидящую напротив.

Господин Саито больше не просил меня писать писем Адаму Джонсону, да и никому другому. Впрочем, он вообще не просил меня ни о чём, кроме чашки кофе.

Каждый, кто впервые приходит на работу в японскую фирму, начинает с осякуми — «почтенной чайной церемонии». Я отнеслась к этой обязанности тем более серьёзно, поскольку это было единственным делом, порученным мне.

Очень быстро я узнала привычки моих коллег: чёрный кофе господину Саито в восемь тридцать. Господину Унадзи кофе с молоком и двумя кусочками сахара в десять часов. Господину Мидзуно стакан кока-колы через каждый час. Господину Окада английский чай, слегка разбавленный молоком, в семнадцать часов. Для Фубуки — зелёный чай в девять часов, чёрный кофе в двенадцать часов, зелёный чай в пятнадцать часов и завершающий чёрный кофе в девятнадцать часов. Каждый раз она благодарила меня с обворожительной вежливостью.

Это скромное занятие оказалось первым шагом в череде моих злоключений.

Однажды утром господин Саито объявил мне, что вице-президент принимал в своём офисе важную делегацию из дружественной фирмы:

— Кофе на двадцать персон.

Я вошла к господину Омоти со своим большим подносом и исполнила все наилучшим образом: я подавала каждую чашку с подчёркнутым смирением, бормоча самые изысканные фразы, опуская глаза и кланяясь. Если бы существовал орден за заслуги в осякуми, я по праву могла претендовать на него.

Несколько часов спустя делегация удалилась. А потом раздался грохочущий голос огромного Омоти:

— Саито-сан!

Я увидела, как господин Саито подскочил и, мертвенно побледнев, побежал в логово вице-президента. За стеной раздались вопли толстяка. Нельзя было понять, о чём шла речь, но видимо это было что-то не слишком приятное.

Господин Саито вышел с искажённым лицом. Я почувствовала глупый прилив нежности к нему, думая о том, что его вес составлял третью часть от веса его противника. И тут он сердито позвал меня.

Я последовала за ним в пустой кабинет. Он заговорил, заикаясь от гнева:

— Вы поставили в глубочайше неловкое положение делегацию дружественной фирмы! Вы подавали кофе, выражаясь так, будто вы владеете японским в совершенстве!

— Но я не так уж плохо им владею, Саито-сан.

— Замолчите! Как вы смеете оправдываться? Господин Омоти очень сердит на вас. Вы создали отвратительную обстановку на совещании сегодня утром. Как наши партнёры могли чувствовать себя непринуждённо в присутствии белой, которая понимает их язык? С этого момента вы больше не говорите по-японски.

Я посмотрела на него с удивлением:

— Простите, что?

— Вы больше не знаете японского языка. Ясно?

— Но, в конце концов, компания Юмимото наняла меня именно за знание вашего языка!

— Мне всё равно. Приказываю вам больше не понимать японского.

— Это невозможно. Никто не смог бы подчиниться подобному приказу.

— Подчиниться всегда можно. Это то, что западные умы должны были бы понять.

«Ах, вот вы о чём», подумала я, прежде чем ответить:

— Вероятно, японский мозг и может заставить себя забыть какой-то язык. Западный мозг на такое не способен.

2

Жак Превер — французский поэт, в своих стихах часто использовал перечисления.

3

Эмменталь — сорт финского сыра.

Столь необычная отговорка не показалась господину Саито странной.

— Всё же попытайтесь. По крайней мере, сделайте вид. Я получил распоряжение на ваш счёт. Итак, решено?

Он сказал это сухим резким тоном.

Вероятно, когда я вернулась в свой кабинет, у меня было такое вытянутое лицо, что Фубуки посмотрела на меня мягко и взволнованно. Я долго чувствовала себя подавленной, размышляя как поступить.

Самым логичным было бы написать заявление об уходе. Однако, я не могла решиться на это. В глазах европейца в этом не было ничего бесчестящего, но по японским меркам это означало потерять лицо. Я работала в компании от силы месяц. Однако, контракт был подписан на год. Уйти через столь короткое время, значило покрыть себя позором в их глазах, также как и в моих.

Тем более, что мне совсем не хотелось уходить. Всё-таки мне стоило кое-каких усилий быть принятой на работу в эту компанию: я изучила токийскую административную лексику, прошла тесты. Конечно, мои амбиции не простирались до того, чтобы сделаться великим полководцем международной торговли, но я всегда хотела жить в стране, перед которой преклонялась со времён первых идиллических воспоминаний, которые хранила с раннего детства.

Я решила остаться.

Но для этого я должна была найти средство выполнить приказ господина Саито. Я прозондировала свой мозг в поисках возможных залежей амнезии: не было ли каких-нибудь тёмных пещер в моей нейронной крепости? Увы, здание имело сильные и слабые стороны, башни и трещины, ямы и рвы, но ничего, что позволило бы мне похоронить язык, который ежедневно был у меня на слуху.

Если я не могла его забыть, то можно ли было, по крайней мере, его утаить? Если сравнить речь с лесом, возможно ли было за французскими буквами, английскими липами, латинскими дубами и греческими оливами спрятать гигантские японские криптомерии, которые в данном случае имели самое подходящее название?

Мори, фамилия Фубуки, означала «лес». Потому ли я смотрела на неё такими растерянными глазами? Я заметила, что она тоже смотрит на меня вопросительно.

Она поднялась и сделала мне знак следовать за ней. В кухне я рухнула на стул.

— Что он вам сказал? — спросила она меня.

Я открыла своё сердце. Мой голос дрожал, я чуть не расплакалась. Теперь я не смогла сдержать опасных слов:

— Ненавижу господина Саито. Он дурак и подлец.

Фубуки слегка улыбнулась:

— Нет. Вы ошибаетесь.

— Конечно. Вы добрая, вы не видите дурного. В конце концов, чтобы отдать подобное распоряжение можно быть только...

— Успокойтесь. Приказ исходил не от него. Он передал вам распоряжение господина Омоти. У него не было выбора.

— В таком случае это господин Омоти...

— Этот человек далеко не простой, — оборвала она меня. — Что вы хотите? Он вице-президент. Здесь ничего не поделаешь.

— Я могла бы поговорить об этом с господином Ханедой. Что он за человек?

— Господин Ханеда замечательный человек. Очень умный и добрый. Увы, об этом не может быть и речи, чтобы вы пошли жаловаться ему.

Она была права, я это знала. Двигаясь вверх по течению, было недопустимо перескочить хотя бы один иерархический эшелон — тем более таким образом. Я имела право обращаться только к моему непосредственному руководителю, которым была мадемуазель Мори.

— Вы моё единственное спасение Фубуки. Я знаю, что вы мало, что можете сделать для меня. Но я благодарю вас. Ваша простая человечность мне так помогает.

Она улыбнулась.

Я спросила, какова была идеограмма её имени. Она показала мне свою визитную карточку. Я посмотрела на кандзи 4 и воскликнула:

— Снежная буря! Фубуки означает «снежная буря»! Это очень красивое имя.

— Я родилась во время снежной бури. Мои родители увидели в этом знамение.

Я вспомнила список служащих Юмимото: «Мори Фубуки, родилась в Наре 18 января 1961 года...» Она была ребёнком зимы. Я вдруг представила эту снежную бурю над величественным городом Нара 5 и его бесчисленными колоколами — не было ли совершенно естественным то, что эта восхитительная девушка родилась в день, когда красота неба обрушилась на красоту земли?

Она рассказала мне о своём детстве в Кансае. Я говорила ей о своём, оно началось в той же провинции, недалеко от Нары, в деревне Сюкугава, около горы Кабуто, — при воспоминании об этих мифологических местах слёзы выступили у меня на глазах.

— Как я рада, что мы обе дети Кансае! Ведь именно там бьётся сердце старой Японии.

Именно там билось моё сердце с тех пор, когда в возрасте пяти лет я покинула японские горы ради китайской пустыни. Это первое изгнание оставило во мне столь глубокий след, что я чувствовала себя способной на все лишь бы воссоединиться с той страной, которую я так долго считала своей родиной.

Когда мы вернулись к нашим рабочим столам, стоявшим друг против друга, я всё ещё не знала, как поступить. Ещё меньше, чем когда-либо я понимала, каково было моё место в компании Юмимото. Но мне было теперь гораздо спокойнее от того, что я была коллегой Фубуки Мори.

Мне нужно было делать вид, что я занята, не показывая при этом, что я понимаю, о чём говорят вокруг меня. С этих пор я разносила чашки с чаем и кофе, не употребляя ни единой вежливой фразы и не отвечая на благодарность служащих. Они не были в курсе новых

инструкций, данных мне, и удивлялись, почему вдруг любезная белая гейша превратилась в грубиянку янки.

Увы, осякуми не занимало у меня много времени. Тогда, никого не спросив, я решила разносить почту.

Для этого нужно было возить огромную металлическую тележку по многочисленным гигантским офисам и отдавать служащим их письма. Такая работа подходила мне как нельзя лучше. Прежде всего, здесь требовались мои лингвистические познания, поскольку большинство адресов были написаны в форме идеограмм, — когда господин Саито был далеко, я не скрывала, что знаю японский. И потом я поняла, что не зря заучила наизусть штатное расписание Юмимото: я могла не только узнать самого мелкого служащего, но также, в случае необходимости, воспользоваться случаем, чтобы поздравить его с днём рождения, либо его супругу или детей.

4

Слоги японского языка.

5

Нара — город в западной части Японии в районе Кансай, в VIII в. был первой постоянной столицей японского государства, известен сохранившимися там памятниками древней архитектуры, живописи, скульптуры

С улыбкой и поклоном я говорила:

— Вот ваша почта господин Сиранэ. С днём рождения вашего маленького Йосиро, которому сегодня исполняется 3 года.

Каждый раз на меня взирали весьма озадаченно.

Эта должность занимала у меня много времени, так как мне приходилось ходить по всей компании, которая располагалась на двух этажах. Со своей тележкой, придававшей мне важный вид, я часто пользовалась лифтом. Мне нравилось это, потому что совсем рядом с тем местом, где я его ждала, было огромное окно. Там я играла в игру, которую называла «бросаться в пустоту». Я прислоняла нос к стеклу и мысленно падала. Город был так далеко подо мной, и прежде чем разбиться о землю, я успевала рассмотреть много интересного.

Я нашла своё призвание. Мой мозг расцветал на этом несложном поприще, полезном, человечном и благоприятствующем созерцанию. Я бы с удовольствием занималась этим всю жизнь.

Господин Саито вызвал меня к себе в кабинет. Я заслужила головомойку за тяжкое преступление — инициативу. Я присвоила себе должность, не спросив на то разрешения моего непосредственного начальства. Более того, настоящий почтальон фирмы, приходящий после

обеда, был на грани нервного срыва, полагая, что его собираются уволить.

— Украсть у кого-нибудь его работу это очень дурно, — резонно заявил мне господин Саито.

Я пожалела о таком быстром прекращении многообещающей карьеры. В то же время я снова оказалась не у дел.

И тогда мне пришла в голову идея, которая по наивности показалась мне блестящей. Во время своих прогулок по предприятию я заметила, что в каждом офисе было множество календарей, которые почти никогда не показывали верную дату, либо красный квадратик не был передвинут на нужное число, либо лист месяца не был перевернут.

На этот раз я не забыла спросить разрешения:

— Можно мне ставить дату на календарях, господин Саито?

Он неосторожно ответил мне да. Я вообразила, что теперь у меня есть работа.

Утром я проходила по всем кабинетам и переставляла маленький красный квадратик на текущую дату. У меня появилась должность: я стала регулировщицей календарей.

Мало по малу, служащие Юмимото заметили мои манёвры. Это их чрезвычайно развеселило.

Меня спрашивали:

— Как дела? Вы не слишком устаёте на этой изнурительной работе?

Я отвечала с улыбкой:

— Это ужасно. Я принимаю витамины.

Это занятие мне нравилось. Неудобство состояло в том, что оно занимало мало времени, но я могла пользоваться лифтом и, значит, любоваться видом из окна. А ещё это развлекало публику.

Кульминация наступила, когда февраль сменился мартом. Теперь недостаточно было передвинуть красный квадратик: мне нужно было перевернуть, то есть оторвать страницу февраля.

Служащие встречали меня, как встречают спортсмена. Я уничтожала февраль широким жестом самурая, изображая на лице беспощадную борьбу с гигантской фотографией заснеженной горы Фудзи, которая иллюстрировала этот период в календаре Юмимото. Затем я покидала поле битвы с измождённым видом и сдержанной гордостью воина-победителя под «банзай» очарованных зрителей.

Слух о моей славе достиг ушей господина Саито. Я ожидала основательного нагоняя за своё паясничанье и заранее подготовила защиту:

— Вы позволили мне переставлять дату на календарях, — начала я прежде, чем он успел открыть рот.

Он ответил мне без всякого гнева тоном обычного недовольства, который был ему свойствен:

— Да. Вы можете продолжать. Но не устраивайте больше спектаклей: вы отвлекаете служащих.

Я была удивлена лёгкостью выговора. Господин Саито добавил:

— Сделайте ксерокопии этих документов.

И протянул мне огромную пачку страниц формата А4. Наверное, их было около тысячи.

Я положила пачку в поглотитель бумаги копировальной машины, который справился со своей задачей с замечательной учтивостью и быстротой. Потом я принесла моему начальнику оригиналы и копии.

Он снова вызвал меня:

— Ваши копии немного неровные, — сказал он, показывая лист, — переделайте.

Я вернулась к ксероксу, думая, что, вероятно, я плохо уложила листы в поглотитель. На этот раз я постаралась сделать все очень аккуратно: результат был отличным. Я снова принесла свою работу господину Саито.

— Они снова неровные, — сказал мне он.

— Это неправда! — воскликнула я.

— Очень грубо разговаривать так со своим руководителем.

— Извините. Но я постаралась, чтобы мои копии были прекрасны.

— Однако, они не таковы. Посмотрите.

Он показал мне с виду безупречный лист.

— Чем он плох?

— Здесь, видите: текст не параллелен полям.

— Вы находите?

— Раз я это говорю, значит так оно и есть!

Он бросил пачку в корзину и снова заметил:

— Вы работаете с устройством автоматической подачи бумаги?

— Да.

— Тогда ясно. Не нужно им пользоваться. Оно даёт не совсем точный результат.

— Господин Саито, без него мне понадобится несколько часов, чтобы справиться с работой.

— Ну, так что же? — улыбнулся он. — Вам ведь и так нечего делать.

Я поняла, что это было моим наказанием за историю с календарями, и отправилась к ксероксу, как на каторгу. Каждый раз мне нужно было поднимать крышку, аккуратно класть страницу, нажимать на кнопку, затем проверять результат. Было три часа, когда я прибыла в мой Эргастул 6. В семь часов моя работа ещё не была закончена. Время от времени приходили служащие, и если им нужно было сделать более десяти копий, я смиренно просила их

воспользоваться машиной, установленной в другом конце коридора.

Взглянув на содержимое документов, я подумала, что умру со смеху, увидев, что речь шла о правилах гольф-клуба, членом которого был господин Саито.

Потом мне стало до слёз жаль бедные невинные деревья, которые губил мой начальник, ради того, чтобы проучить меня. Я представляла японские леса моего детства, клёны, криптомерии и гинкго, срубленные только для того, чтобы наказать такую мелкую сошку, как я. И я вспомнила, что фамилия Фубуки означала «лес».

Однажды пришёл господин Тенси, руководитель отдела молочных продуктов. Его должность равнялась по статусу должности господина Саито, который в свою очередь был руководителем бухгалтерии. Я удивилась: неужели начальник его ранга не мог поручить кому-нибудь сделать копии?

6

Эргастул — подземная тюрьма в Риме.

На мой немой вопрос он ответил:

— Уже восемь вечера. Я единственный из моего отдела, кто ещё на работе. Скажите, почему вы не пользуетесь автоматической подачей бумаги?

Вежливо улыбаясь, я объяснила ему, что таковы были экстренные инструкции господина Саито.

— Понимаю, — посочувствовал он мне.

И немного поразмыслив, спросил:

— Вы ведь бельгийка, не так ли?

— Да.

— Это хорошо. У меня очень интересный проект с вашей страной. Не согласитесь ли вы провести для меня кое-какие исследования?

Я посмотрела на него как на мессию. Он объяснил, что один бельгийский кооператив разработал новый метод по удалению жиров из сливочного масла.

— Я верю в облегчённое масло, — сказал он. — За ним будущее.

Я тут же сочинила себе точку зрения:

— Я сама всегда так думала!

— Зайдите завтра ко мне в кабинет.

Будущее кружило мне голову. Великая карьера открывалась передо мной. Положив стопку

листов А4 на стол господина Саито, я с триумфом удалилась.

На следующий день, когда я явилась в компанию Юмимото, Фубуки сказала мне с испуганным видом:

— Господин Саито хочет, чтобы вы снова сделали копии. Говорит, что они неровные.

Я расхохоталась и объяснила моей коллеге ту игру, которую затеял наш шеф.

— Я уверена, что он даже не взглянул на новые ксерокопии. Я сделала их по одной, выверяя до миллиметра. Не знаю, сколько часов у меня это заняло, — и все это правила гольф-клуба!

Фубуки мягко и возмущённо посочувствовала мне:

— Он вас мучает!

Я успокоила её.

— Не волнуйтесь. Он меня забавляет.

Я вернулась к копировальному аппарату, с которым была почти уже на «ты» и доверила листы автоматике: я была уверена, что господин Саито вынес свой вердикт, даже не взглянув на мою работу. Взволнованно улыбнувшись, я подумала о Фубуки: «Как она добра! Какое счастье, что она работает здесь!»

Честно говоря, новое поручение господина Саито было как нельзя кстати: накануне я провела семь часов, копируя по одной тысячу страниц. Это обеспечит мне превосходное алиби на то время, что я проведу в офисе господина Тенси. Автомат справился с работой за десять минут. Я отнесла кипу листов в кабинет шефа и удрала в отдел молочных продуктов.

Господин Тенси вручил мне координаты бельгийского кооператива.

— Мне понадобится полный отчёт, по возможности самый подробный, о том, что касается этого облегчённого масла. Вы можете расположиться в кабинете господина Сайтамы, он в служебной командировке.

«Тенси» означает «ангел»: я подумала, что господину Тенси прекрасно подходило его имя. Он не только давал мне шанс, но и не обременял меня никакими инструкциями, тем самым, предоставляя мне карт-бланш, что в Японии является исключительной вещью. Он проявил инициативу, не спросив ничьего мнения, для него это был огромный риск.

Я прекрасно понимала это. Потому-то я сразу почувствовала безграничную преданность господину Тенси, преданность, которую каждый японец обязан испытывать к своему начальнику и которую я была не в силах почувствовать к господину Саито и господину Омоти. Господин Тенси внезапно стал моим капитаном, моим военачальником, я была готова драться за него до конца, как самурай.

Итак, я вступила в бой с облегчённым маслом. Разница во времени не позволяла мне сразу же позвонить в Бельгию, и я начала наводить справки о японских центрах потребления и прочих министерствах здравоохранения, чтобы узнать, как развивались гастрономические вкусы населения по отношению к сливочному маслу и как это влияло на содержание холестерина в крови нации. Выходило, что японцы потребляли всё больше и больше масла, а полнота и

сердечные болезни не переставали захватывать территорию Страны Восходящего Солнца.

Когда подошло время, я позвонила в маленький бельгийский кооператив. Родной акцент на другом конце провода несказанно взволновал меня. Мой соотечественник, польщённый звонком из Японии, продемонстрировал прекрасную компетенцию. Десять минут спустя я получала двадцать страниц факса с подробным описанием на французском языке нового метода по производству облегчённого масла, права на который принадлежали бельгийскому кооперативу.

Я составила отчёт века. Начинался он исследованием рынка: потребление японцами сливочного масла, развитие с 1950 года, параллельное ухудшение здоровья, связанное с чрезмерным усвоением масляных жиров. Затем, я описывала устаревшие методы извлечения жиров, новую бельгийскую технологию, значительные преимущества и т.д. Поскольку я должна была написать все это по-английски, то унесла работу домой: мне нужен был словарь, чтобы перевести технические термины. Всю ночь я не спала.

На следующее утро я прибыла в Юмимото на два часа раньше, чтобы напечатать отчёт, вручить его господину Тенси и не опоздать на своё рабочее место в офисе господина Саито.

Который сразу вызвал меня:

— Я проверил ваши ксерокопии, которые вы вчера оставили у меня на столе. Вы делаете успехи, но это все ещё не отличный результат. Сделайте ещё раз.

И он бросил пачку в мусорную корзину.

Я кивнула и подчинилась, с трудом сдерживая смех.

Господин Тенси навестил меня у ксерокса. Он поздравил меня со всем пылом, который позволяла ему вежливость и уважительная сдержанность:

— Ваш отчёт великолепен, и вы составили его чрезвычайно быстро. Вы хотите, чтобы на совещании я назвал его автора?

Это был человек редкого благородства: он был готов пойти на профессиональное нарушение, если бы я его попросила.

— Вовсе нет, господин Тенси. Это повредило бы как вам, так и мне.

— Вы правы. Однако, на следующем совещании я мог бы сказать господину Саито и господину Омоти, что вы можете быть мне полезны. Как вы думаете, господин Саито станет возражать?

— Напротив. Посмотрите на эту кучу ксерокопий, которую он приказывает мне сделать, а все для того, чтобы удалить меня из офиса. Он хочет отделаться от меня, это ясно. И будет рад, если вы предоставите ему такую возможность, он меня не выносит.

— Значит, вы не обидитесь, если я припишу себе авторство вашего отчёта?

Его слова меня очень удивили: обращаться с подобным уважением с такой мелкой сошкой как я.

— Да что вы, господин Тенси, для меня это будет большая честь.

Мы расстались с чувством глубокого взаимоуважения. Я смотрела в будущее с доверием. Скоро будет покончено с абсурдными придирками господина Саито, с ксероксом и запретом говорить на моём втором языке.

Драма разразилась несколько дней спустя. Меня вызвали в кабинет господина Омоти: я отправилась туда без малейшего опасения, не ведая, чего он хотел.

Когда я вошла в логово вице-президента, то увидела господина Тенси, сидящего на стуле. Он повернулся ко мне и улыбнулся: это была самая человеческая улыбка из всех, которые мне довелось узнать. В ней читалось: «нас ждёт скверное испытание, но мы переживём его вместе».

Я думала, что знаю, что такое брань, но то, что нам пришлось вытерпеть, мне и не снилось. Господин Тенси и я выслушали безумные вопли. Непонятно, что было хуже, форма или содержание.

Содержание было невероятно оскорбительным. Меня и моего товарища по несчастью обозвали всем, чем только можно: мы были предателями, ничтожествами, змеями, мошенниками и, — верх проклятия, — индивидуалистами.

Форма объясняла многочисленные аспекты японской истории: чтобы эти отвратительные крики прекратились, я готова была на худшее — завоевать Манчжурию, растерзать тысячу китайцев, покончить с собой во имя императора, бросить свой самолёт на американский линкор, и даже может быть работать на две компании Юмимото сразу.

Самым невыносимым было видеть моего благодетеля униженным по моей вине. Господин Тенси был умным и добросовестным человеком: ради меня он пошёл на огромный риск, полностью сознавая это. Никакой личный интерес не руководил им, он поступил так из чистого альтруизма. И в благодарность за его доброту его же смешали с грязью.

Я старалась брать с него пример: он опускал голову и горбился. Его лицо выражало смирение и стыд. Я подражала ему. Но вот толстяк выпалил:

— Вашей единственной целью было саботировать компанию!

Мысли пронеслись очень быстро в моей голове: нельзя, чтобы этот инцидент испортил карьеру моему ангелу-хранителю. Я бросилась в грохочущую волну криков вице-президента:

— Господин Тенси не хотел саботировать компанию. Это я уговорила его доверить мне досье. Я одна во всём виновата.

Я лишь успела заметить растерянный взгляд моего товарища по несчастью устремлённый на меня. В его глазах я прочла: «Ради бога молчите!» — но увы, было слишком поздно.

Господин Омоти застыл на мгновение, потом приблизился и крикнул мне в лицо:

— Вы смеете оправдываться!

— Нет, напротив, я признаю свою вину и все беру на себя. Меня одну нужно наказать.

— Вы осмеливаетесь защищать эту змею!

— Господин Тенси не нуждается ни в чьей защите. Ваши обвинения на его счёт лишены

основания.

Я видела, как мой благодетель закрыл глаза, и поняла, что произнесла непоправимое.

— Вы смеее утверждать, что я лгу? Неслыханная наглость!

— Я никогда бы не осмелилась на такое. Я просто считаю, что господин Тенси оговорил себя, чтобы защитить меня.

С видом, говорящим о том, что в нашем положении бояться уже нечего, мой товарищ по несчастью взял слово. Все унижение человечества звучало в его голосе:

— Умоляю вас, не упрекайте её, она не знает, что говорит, она жительница запада, молода, у неё никакого опыта. Я совершил непростительную ошибку. Раскаяние моё не знает границ.

— В самом деле, вы не достойны прощения! — взревел толстяк.

— Мои заблуждения столь велики, но, однако, я должен подчеркнуть великолепную работу Амели-сан и замечательную быстроту, с которой она составила отчёт.

— Это тут ни при чём! Работу должен был выполнить господин Саитама.

— Он был в служебной командировке.

— Нужно было дождаться его возвращения.

— Это новое облегчённое масло наверняка интересует других, так же как и нас. За то время пока господин Саитама вернулся бы из поездки и составил отчёт, нас могли обойти.

— А вы случайно не сомневаетесь в компетенции господина Саитамы?

— Вовсе нет. Но господин Саитама не говорит по-французски и не знает Бельгию. Ему было бы гораздо сложнее справиться с этой работой, чем Амели-сан.

— Замолчите. Такой отвратительный прагматизм достоин жителя запада!

Я решила, что это было сказано чересчур беспардонно в моём присутствии.

— Извините мою западную недостойность. Да, мы совершили ошибку. Однако, из этого можно было бы извлечь пользу...

Господин Омоти подошёл ко мне с устрашающим видом, не дав договорить:

— А вас я предупреждаю: это был ваш первый и последний отчёт. Вы себе сильно повредили. Уходите! Не желаю вас больше видеть!

Я не заставила орать на себя дважды. В коридоре я снова услышала вопли этой горы плоти и удручённое молчание жертвы. Затем дверь снова растворилась, и господин Тенси присоединился ко мне. Мы вместе пошли в кухню, раздавленные проклятиями, обрушившимися на наши головы.

— Извините меня за то, что я втянул вас в эту историю, — сказал он наконец.

— Ради бога, господин Тенси, не извиняйтесь! Всю свою жизнь я буду вам признательна. Вы

единственный здесь, кто дал мне шанс. Это было смело и благородно с вашей стороны. Я это знала с самого начала, и я осознала это гораздо лучше с тех пор, как увидела, что вам пришлось из-за этого вытерпеть. Вы их переоценили: вы не должны были говорить, что отчёт был мой.

Он посмотрел на меня в замешательстве.

— Это не я им сказал. Вспомните наш разговор, я рассчитывал поговорить об этом на высшем уровне, с господином Ханедой, без огласки: это было единственной возможностью добиться какого-то результата. Рассказав обо всём господину Омоти, мы не смогли бы избежать катастрофы.

— Значит, это господин Саито сказал вице-президенту? Какой негодяй, какой мерзавец: он мог бы избавиться от меня, устроив моё счастье, но нет же, он предпочёл...

— Не говорите слишком плохо о господине Саито. Он лучше, чем вы думаете. И это не он донёс на нас. Я видел докладную записку на столе господина Омоти и видел, кто её написал.

— Господин Саитама?

— Нет. Вы действительно хотите, чтобы я вам сказал?

— Да!

Он вздохнул:

— На докладной записке подпись мадемуазель Мори.

Меня словно дубинкой по голове ударили.

— Фубуки? Это невозможно.

Мой товарищ по несчастью промолчал.

— Я в это не верю! — снова сказала я. — Конечно, этот трус Саито приказал ей написать эту записку, — у него даже не хватило смелости донести самому, свои кляузы он отсылает через подчинённых!

— Вы ошибаетесь на счёт господина Саито, он угрюм, закомплексован, немного туповат, но он не злой. Он никогда не подставил бы вас под гнев вице-президента.

— Фубуки не способна на такое!

Господин Тенси лишь снова вздохнул.

— Зачем ей это? — продолжала я. — Она вас ненавидит?

— О нет. Она сделала это не с целью повредить мне. В конечном счёте, эта история хуже для вас, чем для меня. Я ничего не потерял. Вы же теряете возможность продвижения на очень и очень долгое время.

— В конце концов, я не понимаю! Она всегда по-дружески относилась ко мне.

- Да. До тех пор пока ваша задача заключалась в переворачивании календарей и ксерокопировании правил гольф-клуба.
- Но не могла же я занять её место!
- В самом деле. Она этого никогда не опасалась.
- Но тогда почему она донесла на меня? Чем ей грозила моя работа на вас?
- Мадемуазель Мори много выстрадала прежде, чем добиться своего теперешнего поста. Вероятно, она нашла нетерпимым факт вашего повышения по службе после всего лишь десяти недель работы в компании Юмимото.
- Я не могу в это поверить. Это было бы так гнусно с её стороны.
- Всё, что я могу вам сказать это то, что она действительно много, очень много выстрадала во время своих первых лет работы здесь.
- И теперь она хочет, чтобы меня постигла та же участь! Это слишком низко. Мне нужно с ней поговорить.
- Вы действительно так думаете?
- Конечно. Как можно улаживать конфликты, если об этом не говорить?
- Только что вы говорили с господином Омоти, когда он осыпал нас проклятиями. По-вашему, все уладилось после этого?
- Что верно, так это то, что если не поговорить, то проблема не решится.
- А мне кажется ещё гораздо более верным то, что когда мы говорим, мы рискуем ухудшить ситуацию.
- Не волнуйтесь, я не буду вмешивать вас в эти истории. Но мне надо поговорить с Фубуки. Если я этого не сделаю, я просто взорвусь.

Мадемуазель Мори приняла моё приглашение с удивлённо-вежливым видом. Она последовала за мной. Зал заседаний был пуст, и мы обосновались там.

Я начала мягким уравновешенным голосом:

- Я думала, что мы друзья. Я не понимаю.
- Чего вы не понимаете?
- Вы станете отрицать, что донесли на меня?
- Мне нечего отрицать. Я выполнила предписание.
- Предписание было гораздо важнее дружбы?
- Дружба слишком громкое слово. Я бы скорее назвала это «хорошими отношениями между коллегами».

Она произнесла эти ужасные слова с невинно-любезным спокойствием.

— Понимаю. И вы полагаете, что наши отношения смогут оставаться хорошими после вашего поступка?

— Если вы извинитесь, я обещаю все забыть.

— Вам не откажешь в чувстве юмора, Фубуки.

— Это поразительно. Вы ведёте себя так, словно вы обижены, хотя сами совершили серьёзный проступок.

Я имела неосторожность выдать:

— Любопытно. Я думала, что японцы отличаются от китайцев.

Она посмотрела на меня, не понимая, а я продолжала:

— Да. Доносительство не дождалось коммунизма, чтобы стать в Китае добродетелью. И даже сегодня сингапурские китайцы поощряют детей доносить на своих товарищей. Я думала, что у японцев ещё сохранилось чувство чести.

Без сомнения, я задела её, и это было моей ошибкой.

Она улыбнулась.

— Вы считаете себя в праве читать мне уроки морали?

— Как по вашему, Фубуки, почему я хотела поговорить с вами?

— По неосознанности.

— Вы не допускаете, что я это сделала из желания помириться?

— Допустим. Извинитесь, и мы помиримся.

Я вздохнула.

— Вы умная и утончённая. Почему вы делаете вид, что не понимаете?

— Не будьте претенциозны, понять вас очень легко.

— Тем лучше. В таком случае, вам понятно моё возмущение.

— Я понимаю его и осуждаю. Это у меня были причины возмущаться вашим поведением. Вы добивались повышения, на которое не имели права.

— Допустим, я не имела на это права. Но вам-то, лично, что до этого? Моя удача ни в чём вас не ущемляла.

— Мне двадцать девять лет, а вам двадцать два. Я занимаю мой пост с прошлого года. Я боролась годами, чтобы его получить. А вы, вы мечтаете добиться того же за несколько недель?

— Так вот оно что! Вам нужно, чтобы я страдала. Вам не выносим чужой успех. Какое ребячество!

Она презрительно рассмеялась:

— А усугублять своё положение, как это делаете вы, по-вашему, признак зрелости? Я ваш руководитель. Вы полагаете, что имеете право так грубо разговаривать со мной?

— Вы мой руководитель, это верно. У меня нет никакого права, я знаю. Но я хотела, чтобы вы знали, как я разочарована. Я вас так уважала.

Она элегантно усмехнулась:

— Ну, я-то не разочарована. Я не питала к вам никакого уважения.

На следующее утро, когда я пришла в компанию Юмимото, мадемуазель Мори объявила мне о моём новом назначении:

— Вы будете работать здесь же, в бухгалтерии.

Мне стало смешно:

— Я, бухгалтер? Почему не воздушный гимнаст?

— Бухгалтер было бы слишком громко сказано. Я не считаю вас способной к бухгалтерской работе, — сказала она мне с жалостливой улыбкой.

Она показала мне большой ящик, в котором хранились счета за последние недели. Затем указала на шкаф, где были сложены огромные папки, на каждой из которых значилось название одного из одиннадцати отделов компании «Юмимото».

— У вас будет очень лёгкая работа, а значит, вполне вам доступная, — объяснила она мне педагогическим тоном. — Сначала вы должны будете сложить счета в хронологическом порядке. Затем вы определите по каждому счёту, к какому из отделов он относится. Возьмём, к примеру, вот этот: одиннадцать миллионов за финский эмменталь 3 — о, как забавно, это относится к отделу молочных продуктов. Вы берёте книгу счётов МП и переписываете в каждую колонку дату, название компании и сумму. Когда все счета будут переписаны и разложены, сложите их в этот ящик.

3

Эмменталь — сорт финского сыра.

Приходилось признать, что это было несложно. Я удивилась:

— Данные не вводятся в компьютер?

— Вводятся. В конце месяца господин Унадзи сделает это. Ему придётся просто скопировать вашу работу: это займёт у него мало времени.

В первые дни я иногда колебалась в выборе поставщика. Я задавала Фубуки вопросы, и она всякий раз отвечала мне раздражённо-вежливо:

— Реминг Лтд, это что?

— Железонесодержащие металлы. Отдел ЖМ.

— Гюнцер ГМБХ, это что?

— Химические продукты. Отдел ХП.

Очень быстро я запомнила наизусть все компании и отделы, с которыми они работали. Задача казалась мне все более лёгкой. Работа была очень скучной, но меня это не огорчало, потому что это позволяло мне занять свой мозг чем-нибудь иным. Так, классифицируя счета, я частенько поднимала голову, чтобы помечтать, любуясь прелестными чертами моей доносчицы.

Проходили недели, и я становилась все спокойнее. Я называла это «счётной безмятежностью». Было мало различий между работой монаха переписчика в средние века и моей: я проводила дни напролёт, переписывая буквы и цифры. За всю жизнь мой мозг не был менее задействован, чем теперь, и я познала абсолютное спокойствие. Это был дзен счётных книг. Я удивлялась самой себе, думая, что если бы мне пришлось провести сорок лет за этим замечательным отупляющим занятием, меня бы это вполне устроило.

Кстати сказать, я уже имела глупость получить высшее образование. Но теперь мой мозг прекрасно обходился без интеллекта, он расцветал на почве бестолковых повторений. Я была обречена созерцать, теперь я знала это. Переписывать числа, любуясь красавицей, было счастьем.

Фубуки была совершенно права. С господином Тенси я ошиблась дорогой. Мой отчёт о масле подтверждал это. Мой мозг не был из породы завоевателей, а скорее относился к жвачным животным, пасущимся на лоне счётов в ожидании манны небесной. Как хорошо было жить без гордыни и разума. Я впала в спячку.

В конце месяца господин Унадзи пришёл, чтобы ввести мою работу в компьютер. Ему понадобилось два дня, чтобы скопировать мои колонны цифр и букв. Я испытывала смешную гордость от сознания, что являюсь нужным звеном в цепи.

Случаю, — или судьбе, — было угодно, чтобы господин Унадзи оставил папку отдела СП напоследок. Как и с первыми десятью книгами счётов он начал невозмутимо стучать по клавишам. Несколько минут спустя я услышала, как он воскликнул:

— Невероятно! Это просто невероятно!

Он быстро листал страницы. Затем его охватил приступ нервного хохота, который мало-помалу превратился в прерывистые вскрикивания. Сорок служащих офиса смотрели на него в недоумении.

Мне стало дурно.

Фубуки встала и побежала к нему. Он показал ей разные строчки счётной книги, захлёбываясь от смеха, и она повернулась ко мне. Фубуки не разделяла болезненной весёлости своего коллеги. Сильно побледнев, она позвала меня.

— Что это такое? — сухо спросила она меня, показывая преступные строки.

— Ну, это счёт фирмы ГМБХ от...

— Фирмы ГМБХ? Фирмы ГМБХ! — вспылила она.

Сорок служащих бухгалтерии разразились хохотом. Я недоумевала.

— Можете вы мне объяснить, что такое ГМБХ? — спросила меня моя начальница, скрестив руки.

— Это немецкое химическое предприятие, с которым мы часто сотрудничаем.

Взрывы хохота удвоились.

— А вы не заметили, что перед ГМБХ всегда стоит одно или несколько названий? — продолжала Фубуки.

— Да. Это, я думаю, названия её многочисленных филиалов. Я решила, что не стоит загромождать книгу счётов этими подробностями.

Даже сдержанный господин Саито засмеялся. Фубуки же не собиралась веселиться. Её лицо исказилось от гнева. Если бы она могла дать мне пощёчину, она бы сделала это. Режущим словно сабля голосом она бросила мне:

— Идиотка! Запомните, что ГМБХ является немецким эквивалентом английского термина Лтд и французского С.А. Компании, которые вы столь блестяще смешали под именем ГМБХ, не имеют ничего общего друг с другом! Это то же самое, как если бы вы записали под именем Лтд все английские, американские и австралийские компании, с которыми мы работаем! Сколько времени нам понадобится, чтобы исправить ваши ошибки?

Я выбрала самый глупый способ защиты из всех возможных:

— И с чего эти немцы вздумали обозначать таким длинным словом термин С.А.!

— Ну, да! Может это немцы виноваты в вашей глупости?

— Успокойтесь, Фубуки, я не могла этого знать...

— Вы не могли? Ваша страна имеет общую границу с Германией, и вы не могли знать того, что знаем мы на другом конце планеты?

Я чуть не выпалила, но, слава богу, сдержалась: «Бельгия может и имеет общую границу с Германией, но Япония во время второй мировой войны имела с ней больше общего, чем граница»!

Я лишь ограничилась покорным кивком.

— Не стойте тут! Идите искать счета за месяц, которые ваша светлость сложила в отдел химических продуктов.

Я открыла ящик и мне стало почти смешно, когда обнаружилось, что после моей сортировки, папка химических продуктов достигла колоссальных размеров.

Господин Унадзи, мадемуазель Мори и я принялись за работу. Нам понадобилось три дня, чтобы привести в порядок одиннадцать поставщиков. Я и так уже была на плохом счёту, когда

случилось ещё более страшное.

Сначала задёрнулись широкие плечи бравого Унадзи, что у него означало хохот. Вибрация достигла его груди, затем гортани. Наконец смех брызнул ключом, а я покрылась мурашками.

Фубуки, заранее бледная от гнева, спросила:

— Что она ещё натворила?

Господин Унадзи показал ей счёт и книгу.

Она закрыла лицо руками. Мне сделалось дурно при мысли о том, что меня ожидало.

Затем они перелистали страницы и пометили многие счета. Фубуки молча схватила меня за руку и показала на суммы, переписанные моим неподражаемым почерком.

— Как только идут подряд четыре нуля, вы не в состоянии правильно переписать сумму! Вы всякий раз добавляете или отнимаете один ноль!

— Смотри-ка, верно.

— Вы отдаёте себе отчёт? Сколько недель нам теперь понадобится, чтобы отследить и исправить ваши ошибки?

— Не так-то просто с этими нулями, которые идут один за другим...

— Замолчите!

Схватив мою руку, Фубуки вывела меня из комнаты. Мы вошли в пустое помещение, и она заперла дверь.

— Вам не стыдно?

— Я сожалею, — жалко проямлила я.

— Нет, вы не сожалеете! Думаете, я не понимаю? Вы сделали все эти неслыханные ошибки, чтобы отомстить мне!

— Я вам клянусь, что нет!

— Я это прекрасно знаю. Вы настолько злы на меня за то, что я донесла на вас вице-президенту о вашей истории с молочными продуктами, что решили меня публично выставить на посмешище.

— Я себя выставила на посмешище, а не вас.

— Я ваш прямой начальник, и все знают, что это я дала вам вашу работу. Значит, это я отвечаю за ваши действия. И вы это прекрасно знаете. Вы ведёте себя также низко, как и прочие на западе: ваше личное тщеславие вы ставите выше интересов компании. Чтобы отомстить мне за моё отношение к вам, вы не постеснялись саботировать бухгалтерию Юмимото, зная изначально, что ваши промахи падут на меня!

— Я ничего этого не знала, я не нарочно сделала эти ошибки.

— Да что вы! Я знала, что вы не блещете умом. Однако, никто не может быть настолько глуп, чтобы сделать подобные ошибки!

— Я могу.

— Перестаньте! Я знаю, что вы лжёте.

— Фубуки, я даю вам слово чести, что я не делала ошибок нарочно.

— Чести! Что вы знаете о чести?

Она презрительно рассмеялась.

— Представьте себе, понятие чести существует и на западе.

— А! И вы находите достойным уважения бесстыдно утверждать, что вы последняя дурочка?

— Я не думаю, что так уж глупа.

— Либо вы предательница, либо тупая: третьего быть может.

— Может: я это я. Есть нормальные люди, не способные переписывать колонны цифр.

— В Японии таких людей нет.

— Кто же оспаривает превосходство Японии? — сказала я, принимая сокрушённый вид.

— Если вы умственно-отсталая, надо было мне об этом сказать, вместо того, чтобы позволять мне доверять вам такую работу.

— Я не знала, что я умственно-отсталая. Я в жизни ещё не переписывала столько цифр.

— И, тем не менее, ваш случай любопытен. Ведь, чтобы переписывать цифры не требуется особого ума.

— Это точно. Я думаю, что в этом и беда таких людей, как я. Если наш мозг не задействован, он засыпает. Отсюда и мои ошибки.

Фубуки оставила наконец свой воинственный вид и посмотрела на меня весело и удивлённо:

— Ваш мозг должен быть задействован? Как странно!

— Ничего странного, это естественно.

— Ладно. Я подумаю о работе, которая задействует ваш мозг, — повторила моя начальница, явно забавляясь этими словами.

— А пока, можно мне помочь господину Унадзи исправить ошибки?

— Ну, уж нет! Вы и так достаточно натворили!

Не знаю, сколько времени понадобилось моему злополучному коллеге, чтобы восстановить порядок в счетах, разрозненных моими стараниями, но мадемуазель Мори потребовалось два дня, чтобы найти занятие мне по силам.

Огромная папка ждала меня на столе.

— Вы проверите суммы командировочных расходов, — сказала она мне.

— Опять бухгалтерия? Я же вас предупредила о моей ограниченности.

— Это не имеет ничего общего с бухгалтерией. Эта работа разбудит ваш мозг, — уточнила она с насмешливой улыбкой.

Она открыла папку.

— Вот, к примеру, отчёт, который составил господин Сиранэ о командировочных расходах во время поездки в Дюссельдорф для того, чтобы компания возместила ему деньги. Вы должны пересчитать все до мельчайших сумм и установить, получается ли у вас тот же результат, что и у него, с точностью до йены. Поскольку многие счета выставлены в марках, вы должны считать по курсу немецкой марки на дату, указанную на документе. Не забывайте, что курс меняется каждый день.

Так начался худший кошмар в моей жизни. С минуты, когда мне была поручена эта задача, понятие времени исчезло из моей жизни, чтобы уступить место вечной муке. Никогда, ни одного раза мне не удалось прийти к результату, если не идентичному, то хотя бы сравнимому с тем, который мне приходилось проверять. Например, если служащий насчитывал, что Юмимото должна ему 93.327 йен, у меня выходило 15.211 йен или 172.045 йен. Ошибки просто преследовали меня.

В конце первого дня я сказала Фубуки:

— По-моему, я не справлюсь с этим.

— И, однако, эта работа задействует мозги! — ответила она неумолимо.

— У меня не получается, — жалко призналась я.

— Вы привыкнете.

Но я не привыкла. Оказалось, что, не смотря на мои старания, эта работа была мне не по зубам.

Моя начальница завладела папкой, чтобы показать, как это легко. Она взяла досье и принялась с молниеносной скоростью стучать по калькулятору, даже не смотря на кнопки. Через четыре минуты, она сделала заключение:

— У меня получается тот же результат, что и у господина Саитамы, до единой йены.

И она поставила на отчёт свою печать.

Подчиняясь этой новой несправедливости судьбы, я вновь принялась за свой труд. За двенадцать часов мне не удалось справиться с тем, что Фубуки проделала за три минуты пятьдесят секунд.

Не знаю, сколько времени прошло, когда она заметила, что я не проверила ни одного досье.

— Ни одного! — воскликнула она.

— Это правда, — сказала я, ожидая наказания.

На моё несчастье она лишь указала мне на календарь:

— Не забудьте, что папка должна быть закончена к концу месяца.

Уж лучше бы она выбрала меня.

Прошло ещё несколько дней. Я была словно в аду: числа с запятыми и десятичными долями вихрем неслись мне в лицо. В моём мозгу они превращались в сумрачную магму, и я уже не могла отличить их друг от друга. Окулист сказал, что зрение тут ни при чём.

Раньше я всегда восхищалась спокойствием и пифагорейской красотой цифр, теперь же они стали моими врагами. Калькулятор тоже желал мне зла. В числе моих психомоторных дефектов был следующий: когда мне приходилось нажимать на кнопки более пяти минут, моя рука вдруг становилась вялой, словно я погружала её в густое и липкое картофельное пюре. Четыре пальца совершенно переставали двигаться, и только указательный ещё как-то удерживался на поверхности, касался кнопок медленно и неловко, как будто копаясь в невидимом картофеле.

А поскольку, все это усугублялось моей редкой бестолковостью к цифрам, то, наверное, я со своим калькулятором выглядела весьма забавно. На каждую новую цифру я смотрела так же удивлённо, как Робинзон, встретивший индейца на необитаемом острове, затем моя околоченная рука пыталась повторить её на клавиатуре. Для этого я то и дело смотрела то на бумагу, то на дисплей, чтобы удостовериться, что ни одна запятая или ноль не затерялись по дороге. Но не смотря на тщательные проверки ошибки были просто колоссальными.

Однажды, с трудом стуча по кнопкам, я подняла глаза и встретила удивлённый взгляд моей начальницы.

— В чём дело? — спросила она меня.

Чтобы её успокоить, я рассказала о синдроме картофельного пюре, парализующем мои пальцы, решив, что эта история вызовет симпатию ко мне.

Но единственное, чего я добилась своей исповедью, был вывод, читавшийся в величественном взгляде Фубуки: «Теперь ясно, она действительно умственно-отсталая, этим-то все и объясняется».

Приближался конец месяца, а папка оставалась все такой же толстой.

— Вы уверены, что не делаете этого нарочно?

— Совершенно уверена.

— Скажите, много ли... в вашей стране таких людей, как вы?

Я была первой бельгийкой, которую она встретила. Всплеск национальной гордости заставил меня сказать правду:

— Ни один бельгиец на меня не похож.

— Меня это успокаивает.

Я засмеялась.

— Вам смешно?

— Вам никогда не говорили, Фубуки, что мучить умственно отсталых стыдно?

— Говорили. Но меня никто не предупреждал, что один из них окажется у меня в подчинении.

Я ещё пуще рассмеялась.

— Я всё-таки не понимаю, что вас так веселит.

— Это у меня нервное.

— Сосредоточьтесь лучше на вашей работе.

28 числа я объявила о своём решении не уходить вечером домой:

— С вашего разрешения я проведу несколько ночей на своём рабочем месте.

— Ваш мозг более эффективно работает в темноте?

— Будем надеяться. Может быть так у меня будет лучше получаться.

Я легко получила её разрешение. Случаи, когда работники оставались на работе по ночам были нередки, если необходимо было уложиться в срок.

— По-вашему, одной ночи будет достаточно?

— Конечно, нет. Я рассчитываю вернуться домой не раньше 31-го.

Я показала ей рюкзак:

— Здесь всё, что мне нужно.

Когда я оказалась одна в стенах Юмимото, меня охватило лёгкое опьянение. Оно быстро прошло, когда стало ясно, что ночью мой мозг работал не лучше. Я трудилась без передышки, но моё рвение не давало никакого результата.

В четыре часа утра я быстро умылась и переоделась в туалете. Выпив крепкого чая, я вернулась на рабочее место.

Первые служащие прибыли в семь утра. Час спустя пришла Фубуки. Она взглянула на папку затрат с проверенными досье и, увидев, что она так же пуста, покачала головой.

Одна бессонная ночь сменилась другой, но всё было по-прежнему. В голове у меня был все такой же туман. Однако, я не отчаивалась. Необъяснимый оптимизм придавал мне храбрости. Так, не отрываясь от моих расчётов, я затевала разговоры с моей начальницей на совершенно отвлечённые темы:

— В вашем имени есть слово «снег». В японской версии моего имени есть слово «дождь». Мне кажется это знаменательным. Между вами и мной такая же разница, как между снегом и

дождём, что не мешает им обоим состоять из одной и той же материи.

— Вы действительно думаете, что вас и меня можно сравнивать?

Я смеялась. На самом деле, это был нервный смех от недосыпания. Иной раз меня охватывала усталость, приступы безнадежности, но, в конце концов, всё заканчивалось смехом.

Бочка Данаид не переставала заполняться цифрами, утекавшими сквозь мой дырявый мозг. Я была Сизифом бухгалтерии, этаким мифическим персонажем, я никогда не отчаивалась и в сотый и тысячный раз бралась за неумолимые вычисления. Между тем в этом было какое-то колдовство: я ошиблась тысячу раз, это было бы похоже на повторение одной и той же мелодии, если бы мои ошибки не были всегда разными, при каждом пересчёте я получала новый результат. Это было почти гениально.

Нередко между двумя расчётами я поднимала голову, чтобы посмотреть на ту, что обрекла меня на этот каторжный труд. Её красота очаровывала меня. Единственное что, вызывало у меня сожаление, были её опрятно прилизанные средней длины волосы, уложенные неподвижной волной. Их непреклонность, казалось, говорила: «Я — женщина руководитель». Тогда я предавалась моему любимому занятию: мысленно ерошила ей волосы. Я давала свободу этой иссиня-чёрной шевелюре. Мои невидимые пальцы придавали ей изящно-небрежный вид. Иногда, я, совсем расшалившись, приводила её причёску в такой состояние, словно она только что провела бурную ночь любви. Такая жестокость придавала её красоте возвышенность.

Однажды Фубуки застала меня за моим воображаемым причёсыванием:

— Почему вы на меня так смотрите?

— Я думала о том, что по-японски слова «волосы» и «бог» звучат одинаково.

— "Бумага" тоже, не забывайте. Займитесь своим досье.

Мои мозги все более размягчались. Я всё меньше и меньше понимала, что можно говорить, а что нельзя. Однажды когда я пыталась найти курс шведской кроны на двадцатое февраля 1990 года, мой рот заговорил сам по себе:

— Кем вы хотели стать в детстве?

— Чемпионом по стрельбе из лука.

— Вам бы это очень пошло!

Поскольку она не спросила у меня о том же, я заговорила сама:

— А я, когда была маленькой, хотела стать Богом. Богом христиан с большой буквы "Б". В пять лет я поняла, что мои амбиции неосуществимы. Тогда я, слегка разбавив вино водой, решила стать Христом. Я воображала свою смерть на кресте на глазах у всего человечества. В возрасте семи лет я поняла, что и на это рассчитывать не приходится. Тогда я скромно решила стать мучеником. На таком выборе я остановилась на долгие годы, но этого тоже не случилось.

— А потом?

— Вы знаете: я стала бухгалтером в компании Юмимото. И думаю, что ниже пасть я уже не

могла.

— Вы так думаете? — спросила она со странной улыбкой.

Наступила ночь с тридцатого на тридцать первое. Фубуки ушла последней. Не понимаю, почему она не отпустила меня, ведь было ясно, что мне не справиться и с сотой долей моей работы?

Я осталась одна. Эта была моя третья бессонная ночь подряд в гигантском офисе. Я считала на калькуляторе и записывала всё более и более нелепые результаты.

И тогда со мной случилось нечто странное: мой дух покинул тело.

Внезапно, я перестала чувствовать себя скованной. Я встала. Меня охватило чувство свободы. Никогда я не была столь свободной. Я подошла к окну. Далеко подо мной были огни города. Я была Богом и парила над миром. Со своим телом я расквиталась, выбросив его из окна.

Я погасила неоновые лампы. Далёких огней города было достаточно, чтобы все различать. Я пошла на кухню, налила стакан колы и залпом выпила её. Вернувшись в бухгалтерию, я развязала ботинки и закинула их подальше. Я прыгала со стола на стол, крича от радости.

Я была так легка, что одежды тяготили меня. Тогда я стала снимать одно за другим и разбрасывать вокруг. Оставшись совсем голой, я сделала стойку на руках, хотя раньше не умела этого делать, и прошла на руках по соседним столам. Затем, выполнив великолепный кульбит, я прыгнула и приземлилась на место моей начальницы.

Фубуки, я Бог. Даже, если ты не веришь в меня, я Бог. Ты руководишь, но это не имеет значения. Я царю. Власть меня не интересует. Царить — это так прекрасно. Тебе и не снилась моя слава. Слава прекрасна. Ангелы трубят в мою честь. Этой ночью я на вершине славы и все благодаря тебе. Если бы ты только знала, что трудишься во славу мне!

Понтий Пилат также не ведал, что творил во славу Христа. Был Христос оливковых рощ, я же Христос компьютеров. В окружающей меня темноте возвышается корабельная роща мониторов.

Я смотрю на твой компьютер, Фубуки. Он большой и красивый. В потёмках он похож на статую с острова Пасхи. Минула полночь, сегодня пятница, моя святая пятница. По-французски — день Венеры, по-японски — день золота, и мне сложно понять, какая связь между иудейско-христианским мучением, латинским сладострастьем и японским обожанием нетленного металла.

С тех пор, как я покинула мирскую жизнь, чтобы стать служителем культа, время потеряло для меня своё значение и превратилось в калькулятор, на котором я набирала неправильные числа. Думаю, сейчас Пасха. С высоты моей Вавилонской башни я смотрю на парк Уэно и вижу заснеженные деревья: цветущие вишни — да, вероятно, сейчас Пасха.

Насколько Рождество наводит на меня тоску, настолько Пасха делает меня счастливой. Бог, становящийся младенцем, — удручающее зрелище. Бедняга, становящийся Богом, — нечто совсем иное. Я обнимаю компьютер Фубуки и покрываю его поцелуями. Я тоже мученик на кресте. Что мне нравится в распятии, это конец. Я, наконец, перестану страдать. Все моё тело сплошь приколотили гвоздями так, что не остаётся ни малейшей частички. Мне отсекут голову

ударом сабли, и я больше ничего не буду чувствовать.

Знать, когда умрёшь, это великая вещь. Можно создать из своего последнего дня произведение искусства. Утром мои мучители придут, и я скажу им: «Я сдаюсь! Убейте меня, но исполните мою последнюю волю: пусть Фубуки предаст меня смерти. Пусть свернёт мне голову, как перец. Чёрным перцем потечёт моя кровь. Берите и ешьте, потому что мой перец был пролит за вас, за толпу, перец нового вечного альянса. Вы будете чихать в память обо мне».

И вдруг мне стало холодно. Напрасно я сжимала в объятиях компьютер, меня это не согревало. Я оделась, стуча зубами, легла на пол и, опрокинув на себя мусорную корзину, потеряла сознание.

Надо мной раздался крик. Я открыла глаза, увидела мусор, снова закрыла и провалилась в бездну.

Я слышу мягкий голос Фубуки:

— Я её узнаю. Она покрыла себя мусором, чтобы к ней не посмели прикоснуться. Сделала себя неприкасаемой. Это на неё похоже. У неё никакого чувства собственного достоинства. Когда я говорю ей, что она глупа, она отвечает, что все гораздо хуже, что она умственно отсталая. И она решила пасть ещё ниже. Думает, что сделала себя недоступной, но она ошибается.

Я хочу объяснить, что сделала это, чтобы согреться, но у меня нет сил разговаривать. Мне тепло под мусором Юмимото. Я снова впадаю в забытье.

Я подняла голову. Сквозь скомканную бумагу, пивные бутылки, окурки, мокрые от колы, я увидела часы, показывающие десять утра.

Я встала. Никто не осмеливался взглянуть на меня, кроме Фубуки, которая холодно сказала мне:

— В следующий раз, когда захотите прикинуться нищенкой, не делайте этого на нашем предприятии. Для этого есть станции метро.

Больная от стыда, я схватила рюкзак и побежала в туалет, чтобы переодеться и вымыть голову под умывальником. Когда я вернулась, уборщица уже убрала следы моего безумия.

— Я хотела сама это сделать, — сказала я, потупившись.

— Да, — отозвалась Фубуки, — уж, по крайней мере, на это вы может быть были бы способны.

— Вы намекаете на проверку затрат? Вы правы, это выше моих сил. Я вам торжественно заявляю, что отказываюсь от этой задачи.

— Долго же вы думали, — насмешливо заметила она.

«Понятно, подумала я. Она хотела, чтобы я сама это сказала. Конечно, это гораздо более унижительно».

— Срок истекает сегодня вечером, — снова сказала я.

— Дайте мне папку.

Она справилась с ней за двадцать минут.

Весь день я провела, словно зомби. У меня было ощущение тяжкого похмелья. На моём столе валялись бумажки с неверными расчётами. Я выбрасывала их одну за другой.

Когда я видела Фубуки, работающую за своим компьютером, мне было тяжело удержаться от смеха при воспоминании, как вчера я сидела голой на клавиатуре, обнимая машину руками и ногами. А теперь эта девушка касалась клавиш своими пальцами. Я впервые интересовалась информатикой.

Нескольких часов сна среди мусора оказалось недостаточно для реабилитации моего мозга, разжижённого в борьбе с цифрами. И я, барахтаясь в этой каше, пыталась отыскать под обломками останки моих мыслительных ориентиров. Тем не менее, было чему порадоваться: впервые за много недель я не работала с калькулятором.

Я снова жила в мире без цифр. Поскольку существуют люди неграмотные, то, вероятно, есть и неарифметичные, такие как я.

Я вернулась в реальный мир. Может показаться странным, что после моей безумной ночи, всё осталось, как было, словно ничего серьёзного не произошло. Конечно, никто не видел, как я бегала по офису голышом, ходила на руках и обнималась с компьютером. И всё-таки меня нашли спящей под кучей мусора. В другой стране за подобное поведение меня, возможно, вышвырнули бы за дверь.

Но все вполне объяснимо: в странах с наиболее авторитарными системами встречаются самые невероятные отклонения от нормы, а потому там терпимее относятся к человеческим странностям. Нельзя понять, что такое эксцентричность, если вы не встречали эксцентричного японца. Я заснула в куче мусора? Здесь видели и не такое. Япония — это страна, где хорошо известно значение слова «сломаться».

Я снова приступила к своим нехитрым обязанностям. С каким наслаждением я готовила чай и кофе! Эти несложные занятия успокаивали мой бедный мозг и лечили душу.

Как можно более ненавязчиво я опять принялась выставлять точную дату на календарях. Я старалась казаться очень занятой из боязни, как бы меня снова не приставили к цифрам.

Однажды, произошло невероятное событие: я повстречала Бога. Омерзительный вице-президент приказал принести ему пива, воображая, вероятно, что он ещё недостаточно толст. Я выполнила поручение с вежливым отвращением. Когда я покидала логово толстяка, дверь соседней комнаты отворилась, и я столкнулась нос к носу с президентом.

Мы взглянули друг на друга с удивлением. С моей стороны это было понятно, ведь мне довелось лицезреть Бога компании Юмимото. С его стороны это было не столь очевидно: знал ли он вообще о моём существовании? Кажется, знал, потому что воскликнул приятным, мягким голосом:

— Вы, конечно, Амели-сан!

Потом улыбнулся и протянул мне руку. Я была ослеплена и не произнесла ни звука. Господин Ханеда был мужчиной лет пятидесяти, стройным, с очень элегантными чертами лица. От него веяло добротой и гармонией. Он с таким искренним дружелюбием взглянул на меня, что я окончательно смутилась.

Он удалился, а я осталась одна в коридоре не в силах сдвинуться с места. Так вот каков президент этой камеры пыток, места, где меня презирали и унижали. Хозяин этой геенны был исключительным существом, благороднейшей душой.

В этом было нечто загадочное. Предприятие, которым руководил такой великодушный человек, должно было быть сущим раем, обителью доброты и процветания. В чём же тут секрет? Возможно ли, чтобы Бог царил в аду?

Я всё ещё стояла в оцепенении, когда загадка разрешилась сама собой. Дверь кабинета чудовища Омоти распахнулась, и отвратительный голос проревел:

— Чего ради вы здесь торчите? Вам платят не за то, чтобы вы слонялись по коридорам!

Всё стало ясно: в компании Юмимото Бог был президентом, а вице-президентом Дьяволом.

Фубуки не была ни Дьяволом, ни Богом, она была японкой.

Не все японки красивы. Но если японка красавица, тогда держитесь.

Любая красота потрясает, но японская красота поражает вдвойне. Этот подобный лилии цвет лица, эти пленительные глаза, этот нос с неподражаемыми ноздрями, этот чётко прорисованный контур губ, эта мягкость черт могут затмить любое самое красивое лицо.

Её манера держать себя делает из неё произведение искусства, неподдающееся описанию.

И эта красота, сумевшая противостать всем физическим и нравственным корсетам, давлению, абсурдным запретам, догмам, удушью, разочарованиям, садизму, притворству и унижению, поистине является чудом героизма.

Японка вовсе не жертва, это далеко не так. Среди прочих женщин планеты, участь её не из худших. Её власть значительна, уж я-то знаю, о чём говорю.

Если и есть за что восхищаться японкой, а не восхищаться ею невозможно, то за то, что она до сих пор не покончила с собой. С самого раннего детства на её мозг по капле накладывается гипс: «Если к двадцати пяти годам ты не вышла замуж, стыдись», «если ты смеёшься, никто не назовёт тебя изысканной», «если твоё лицо выражает какое-либо чувство, ты вульгарна», «если на твоём теле есть хоть один волосок, ты непристойна», «если молодой человек целует тебя в щёку на людях, ты шлюха», «если ты ешь с удовольствием, ты свинья», «если любишь поспать, ты корова», и т.д. Эти наставления могли бы показаться смешными, если бы они не владели умами.

Потому что, в конечном счёте, смысл этих нелепых догм, внушаемых японке, состоит в следующем: не стоит надеяться ни на что хорошее. Не надейся на радость, твоё удовольствие повредит тебе. Не надейся на любовь, она того не стоит, тебя полюбят за то, чем ты кажешься, а не за то, какая ты на самом деле. Не надейся, что жизнь одарит тебя, чем бы то ни было, потому что каждый год она будет у тебя что-нибудь отнимать. Не надейся даже на такую простую вещь, как спокойствие, потому что у тебя нет причин оставаться спокойной.

Надейся на то, что будешь работать. Учитывая твой пол, у тебя мало шансов достичь высот, но надейся послужить своему предприятию. Работа принесёт тебе деньги, и это не доставит тебе никакого удовольствия, но, возможно, придаст тебе вес в случае замужества — поскольку, ты ведь не так глупа, чтобы полагать, будто тебя могут выбрать за твою действительную стоимость.

Кроме того, ты можешь надеяться дожить до старости, в чём нет совершенно никакого интереса, и не познать бесчестья, что само по себе уже конец. На этом заканчивается список дозволенных тебе надежд.

А теперь начинается бесконечная череда твоих бесплодных обязанностей. Ты должна быть безупречна только потому, что это самое малое, что от тебя требуется. Безупречность не принесёт тебе ничего, кроме безупречности, здесь нет причин ни для гордости, ни, ещё того менее, для удовольствия.

Я никогда не смогу перечислить все твои обязанности, потому что в твоей жизни не будет ни минуты, когда ты не будешь подчиняться одной из них. Например, даже когда ты уединишься в туалете ради унижительной нужды облегчить свой мочевой пузырь, ты должна будешь следить за тем, чтобы никто не услышал звон твоего ручейка, а, значит, тебе придётся непрерывно спускать воду.

Я останавливаюсь на этом для того, чтобы ты поняла, что если даже самые интимные и незначительные моменты твоего существования будут подчинены предписаниям, стоит тем более задуматься над тем, какого размаха принуждения будут давить на тебя всю жизнь.

Ты голодна? Ешь мало, потому что ты должна оставаться худой, не ради удовольствия увидеть обращённые на тебя на улице взгляды, — их не будет, — а потому, что иметь округлые формы стыдно.

Ты обязана быть красивой. Если тебе это удаётся, твоя красота не принесёт тебе никакой радости. Единственные комплименты, которые ты услышишь, прозвучат из уст жителей запада, а всем хорошо известно, что они лишены всякого вкуса. Если ты созерцаешь в зеркале свою красоту, пусть причиной тому будет страх, а не удовольствие, потому что красота не принесёт тебе ничего, кроме опасения потерять её. Если ты красивая девушка, ты не представляешь собой ничего особенного. Если ты некрасива, ты ещё меньше, чем ничего.

Ты обязана выйти замуж, предпочтительнее до двадцати пяти лет, даты истечения твоего срока годности. Твой муж не будет любить тебя, если только он не идиот. А быть любимой идиотом глупо. В любом случае, будет он тебя любить или нет, ты его не увидишь. В два часа ночи домой вернётся изнурённый и зачастую пьяный мужчина, чтобы рухнуть на семейное ложе, которое он покинет в шесть утра, не обмолвившись с тобой словечком.

Ты обязана иметь детей, с которыми будешь обращаться как с божествами до трёх лет, возраста, когда одним махом ты изгонишь их из рая, чтобы отдать на военную службу, которая продлится от трёх до восемнадцати лет и затем от двадцати пяти лет до смерти. Ты обязана производить на свет создания, которые будут столь же несчастны, насколько счастливыми будут первые три года их жизни.

Тебе кажется это ужасным? Ты не первая, кто так думает. Тебе подобные думают так с 1960 года. И ты прекрасно видишь, что это ни к чему не привело. Некоторые из них бунтовали. Ты тоже, может быть, взбунтуешься во время единственного свободного периода твоей жизни, от восемнадцати до двадцати пяти лет. Но в двадцать пять ты вдруг увидишь, что до сих пор не

вышла замуж, и тебе станет стыдно. И тогда ты расстанешься со своим эксцентричным нарядом, чтобы облачиться в опрятный костюмчик, белые колготки и смешные туфельки, ты подчинишь свою великолепную гладкую шевелюру жалкой укладке и почувствуешь облегчение, если кто-нибудь — муж или коллега — захочет тебя.

Маловероятно, что ты выйдешь замуж по любви, но если это случится, ты будешь несчастна, потому что увидишь, как страдает твой муж. Лучше тебе не любить его: это позволит остаться равнодушной к крушению его идеалов, у твоего мужа они ещё сохранились. К примеру, он надеялся, что будет любим женщиной. Однако же, он быстро заметит, что ты его не любишь. Можешь ли ты любить кого-то, если твоё сердце в гипсе? Слишком много норм тебе внушили, чтобы ты могла полюбить. Если ты кого-нибудь любишь, значит, ты дурно воспитана. В первые дни после свадьбы ты будешь притворяться. И нужно признать, что ни одна женщина не умеет притворяться так же талантливо, как ты.

Ты обязана жертвовать собой ради других. Но не думай, что те, кому ты приносишь себя в жертву, станут от этого счастливее. Это лишь позволит им не краснеть за тебя. У тебя нет ни малейшего шанса ни самой быть счастливой, ни осчастливить кого-нибудь.

А если вдруг по какой-то случайности ты избежнешь одного из предписаний, не думай, что ты победила, знай, что ты ошибаешься. Впрочем, ты и сама скоро это поймёшь, поскольку иллюзия победы лишь временна. Не радуйся мгновению, оставь эти бредни жителям запада. Мгновение ничтожно, твоя жизнь ничто. Только десятки тысячелетий могут иметь значение.

Если это тебя утешит, то знай, что никто не считает тебя глупее мужчины. Ты великолепна, это бросается в глаза даже тем, кто унижает тебя. Однако, если подумать, так ли уж это утешительно? Если бы, по крайней мере, с тобой обращались, как с низшей, твой ад был бы легко объясним, и ты могла бы бороться с этим по законам логики с помощью твоего блестящего ума. Но тебя считают равной, даже вышестоящей, а потому мысль о геенне абсурдна, а, значит, нельзя и покончить с этим.

Хотя нет, одно средство всё-таки есть. Одно единственное, но на него ты имеешь полное право. Если ты не была столь глупа, чтобы обратиться в христианство, ты имеешь право на самоубийство. В Японии это большая честь. Не думай только, что в ином мире тебя ждут райские кущи, описанные симпатичными европейцами. По ту сторону нет ничего замечательного. Подумай лучше о своей посмертной репутации, вот что важнее. Если ты покончишь с собой, она будет блестящей, а твои близкие смогут тобой гордиться. У тебя будет почётное место в фамильном склепе, а это самое высшее упование, дарованное человеку.

Конечно, ты можешь и не убивать себя. Но тогда рано или поздно ты не выдержишь и чем-нибудь обесчестишь себя: или ты заведёшь любовника, или растолстеешь, или станешь ленивой, кто знает. Давно замечено, что люди в целом и женщины в частности не способны прожить долгое время, не поддавшись какому-либо из плотских удовольствий. И если мы избегаем этого, то вовсе не из пуританских принципов, нам чужда эта американская одержимость.

В действительности, сладострастия нужно избегать потому, что от него потеют. Нет ничего постыднее пота. Если ты с жадностью глотаешь чашку горячей лапши, если ты предаёшься безумствам секса, если зимой ты дремлешь у очага, ты вспотеешь. И тогда никто уже не усомнится в твоей вульгарности.

Не стоит колебаться между потоотделением и самоубийством. Пролить кровь так же почётно, как потеть — отвратительно. Если ты выберешь смерть, то уже никогда не вспотеешь, и твоя

тревога уляжется навсегда.

Я не думаю, что удел японца завиднее. Судя по фактам, совсем наоборот. Японка может распрощаться с адской работой, выйдя замуж. А не работать на японском предприятии уже само по себе означает конец.

Но японец ещё не задушен. В юном возрасте в нём не уничтожили веру в свои идеалы. У него есть основополагающее человеческое право: мечтать и надеяться. И он не лишает себя этого. Он живёт в вымышленном мире, в котором он свободен и сам себе господин.

Японка лишена этой отдушины, если она хорошо воспитана, а таковыми являются большинство японских девушек. Ей, если можно так выразиться, в детстве ампутировали способность предаваться иллюзиям. И поэтому я глубоко преклоняюсь перед всякой японкой, ещё не покончившей с собой. С её стороны оставаться в живых является актом сопротивления, исполненным мужества сколь бескорыстного столь и возвышенного.

Так думала я, глядя на Фубуки.

— Можно узнать, что вы делаете? — спросила она меня резким тоном.

— Мечтаю. С вами никогда такого не бывает?

— Никогда.

Я улыбнулась. Господин Саито совсем недавно стал отцом второго ребёнка, мальчика. Японский язык обладает чудесной возможностью создавать имена без ограничений, используя любые части речи. И благодаря этой странности, а японская культура изобилует странностями, те, кто не имеет права мечтать, носят самые поэтичные имена, как Фубуки. Родители могут позволить себе самый тонкий лиризм, если речь идёт об имени девочки. В отместку, если нужно дать имя мальчику, ономастическое творчество впадает в самые смехотворные крайности.

Поскольку совершенно законным образом можно было использовать в качестве имени глагол в неопределённой форме, господин Саито назвал своего сына Цутомеру, что означает «работать». Мысль о том, что в качестве имени парень получал жизненную программу, рассмешила меня.

Я представляла, как через несколько лет, ребёнок вернётся из школы, и мать скажет ему: «Работать! Иди работать!» А если он окажется безработным?

Фубуки была безупречна. Её единственным недостатком было то, что в свои двадцать девять лет, она ещё не вышла замуж. Нет никакого сомнения в том, что она стыдилась этого. Хотя, если поразмыслить, то такая красивая девушка до сих пор не нашла себе мужа только потому, что она была безупречна. Потому что она приложила максимум усилий к выполнению того первостепенного правила, которое послужило именем сыну господина Саито. Вот уже семь лет она полностью посвящала себя работе. И не безуспешно, поскольку она сделала карьеру редкую для представительниц женского пола.

За этим занятием у неё совершенно не оставалось времени на замужество. Однако, нельзя было сказать, что она работала слишком много, поскольку по мнению японца, невозможно

работать «слишком много». Таким образом, в правилах поведения для женщин было противоречие: оставаться безупречной, работая на износ, приводило к тому, что девушка достигала возраста двадцати пяти лет, так и не выйдя замуж, а потому переставала быть безупречной. Верхом садизма подобной системы была её непоследовательность: соблюдение правил вело к их нарушению.

Стыдилась ли Фубуки своего затянувшегося девичества? Скорее всего. Она была слишком озабочена собственным совершенством, чтобы манкировать малейшим предписанием. Мне было любопытно, бывают ли у неё любовники, но можно было точно сказать, что она не стала бы хвастаться грехом леснадесико (надесико, «гвоздика», символизирует ностальгический идеал молодой японской девственницы). Я знала, чем занято её время, и не представляла, чтобы она могла позволить себе банальную авантюру.

Я наблюдала за её поведением, когда ей приходилось иметь дело с холостяком, красивым или уродливым, молодым или старым, приятным или отвратительным, умным или глупым, не важно, лишь бы он не был ниже её по рангу; манеры моей начальницы внезапно становились подчёркнуто мягкими, даже чуть агрессивными. Её руки начинали нервно поправлять широкий пояс, пряжка которого всё время сдвигалась с центра. Её голос становился ласкающим настолько, что почти напоминал стон.

Про себя я называла это «брачными играми» мадемуазель Мори. Было забавно наблюдать, как моя мучительница принималась за эти обезьяньи ужимки, так портившие её красоту и унижавшие её достоинство. И всё же у меня сжималось сердце, когда я видела, как эти самцы, ради которых она совершала свои патетические попытки соблазнения, абсолютно ничего не замечали и оставались бесчувственными. Иногда мне хотелось встряхнуть их и крикнуть:

— Ну, давай же, будь хоть немного галантнее! Ты не видишь, на что она идёт ради тебя? Я согласна, её это не красит, но если бы ты знал, как она красива, когда не жеманничает. Впрочем, она слишком хороша для тебя. Ты должен плакать от радости, потому что эта жемчужина остановила на тебе свой выбор.

Что до Фубуки, то мне хотелось сказать ей:

— Прекрати! Неужели ты думаешь, что твоё кривлянье привлекательно? Ты гораздо более соблазнительна, когда ругаешь меня и обращаешься со мной, как с собакой. Если тебе это поможет, вообрази, что он, это я. Говори с ним так же, как со мной, тогда ты будешь высокомерной и презрительной, ты скажешь ему, что он тупое ничтожество, и увидишь, что он не останется равнодушным.

И ещё мне хотелось шепнуть ей:

— Не лучше ли в сто раз оставаться всю жизнь незамужней, чем обременять себя этим никчёмным субъектом. Что ты будешь делать с таким мужем? И как можно стыдиться того, что не вышла замуж за одного из них, ты, такая возвышенная, богиня, сошедшая с Олимпа, шедевр этой планеты? Они почти все ниже тебя ростом, может в этом есть предзнаменование? Ты слишком высокий лук для этих жалких стрелков.

Когда добыча ускользала, выражение лица моей начальницы молниеносно сменялось с манерного на безразлично-холодное. Иногда она замечала мой насмешливый взгляд, и тогда её губы сжимались от ненависти.

В дружественной Юмимото компании работал голландец двадцати семи лет по имени Пит Крамер. Не смотря на то, что он не был японцем, он достиг должности равной по статусу

должности моей мучительницы. Поскольку его рост равнялся одному метру девяноста сантиметрам, я подумала, что он мог бы стать неплохой партией для Фубуки. И действительно, когда ему приходилось бывать в нашем офисе, она пускалась в неистовые брачные игры, беспрестанно теребя свой ремень.

Это был статный, хорошо сложенный молодой человек. Тем более он был голландцем: это наполовину германское происхождение делало простительным его принадлежность к белой расе.

Однажды он сказал мне:

— Вам повезло, что вы работаете с мадемуазель Мори. Она так добра!

Это признание меня позабавило. Я решила воспользоваться этим, и повторила то же самое моей коллеге, не без ироничной улыбки, говоря про её доброту. Потом добавила:

— Это значит, что он влюблён в вас.

Она посмотрела на меня в замешательстве.

— Это правда?

— Совершенно определённо, — заверила я.

На несколько мгновений это её озадачило. Наверное, она думала так: «Она белая, а, значит, знает обычаи белых. Один раз можно ей довериться, но только так, чтобы она догадалась».

Притворившись равнодушной, Фубуки сказала:

— Он слишком молод для меня.

— Он на два года моложе вас. По японской традиции, это прекрасная разница для того, чтобы вы стали его анесан небо, «супругой-старшей сестрой». По японским меркам это наилучший брак: у женщины чуть больше жизненного опыта. Таким образом, она удовлетворена.

— Знаю, знаю.

— В таком случае, чем он вам не подходит?

Она замолчала. Было ясно, что эта мысль кружила ей голову.

Несколько дней спустя сообщили о приходе Пита Крамера. Фубуки не на шутку разволновалась.

К несчастью, было очень жарко. Голландец снял пиджак, и на его рубашке выступили широкие пятна пота вокруг подмышек. Я увидела, как Фубуки изменилась в лице. Она пыталась говорить как ни в чём не бывало, словно ничего не заметила. Но голос её звучал фальшиво, и чтобы выдавливать из себя звуки, ей приходилось вытягивать шею вперёд. Всегда такая красивая и невозмутимая, теперь она походила на вспугнутую куропатку.

Продолжая вести себя столь жалким образом, она исподтишка наблюдала за коллегами. Её последняя надежда была на то, что никто ничего не заметил, но, увы, невозможно было узнать,

заметил ли кто-то то же, что и она. По лицу японца вообще ничего невозможно понять. Лица служащих Юмимото излучали невозмутимую благожелательность, типичное выражение, свойственное им во время встреч с представителями дружественной фирмы.

Самым смешным было то, что Пит Крамер даже не заметил того, что стал объектом скандального происшествия и причиной потери душевного равновесия милой мадемуазель Мори. Её ноздри трепетали, и причину этого не трудно было угадать. Она хотела понять, был ли замечен подмышечный позор голландца.

И вот тут-то наш симпатичный батав 7, сам того не подозревая, нанёс урон процветанию евроазиатской расы: заметив в небе дирижабль, он подбежал к окну. От этого быстрого перемещения по воздуху разлился душистый шлейф, а сквозняк разнёс запах по всей комнате. Не оставалось никакого сомнения, от Пита Крамера пахло потом.

Никто в огромном офисе не мог этого не знать. И никого не умилил детский восторг паренька при виде рекламного дирижабля, который регулярно пролетал над городом.

Когда пахучий иностранец удалился, моя начальница была бледна. Однако, ей предстояло худшее. Начальник отдела господин Саито первым кинул камень:

— Я бы не выдержал ни минуты дольше!

Таким образом, было разрешено позлословить. Остальные тотчас же подхватили:

— Да понимают ли эти белые, что от них пахнет мертвечиной?

— Если бы только объяснить им, как от них воняет, мы бы озолотились на продаже качественных дезодорантов на западном рынке!

— Мы могли бы помочь им пахнуть получше, но невозможно помешать им потеть. Такова их раса!

— У них даже красивые женщины потеют.

Они были очень довольны. Мысль о том, что их слова могли меня обидеть, никому не пришла в голову. Сначала мне это польстило: может быть они не считали меня за Белую. Однако, прозрение быстро снизошло на меня: если они не стеснялись моего присутствия, то просто потому, что со мной можно было не считаться.

Никто из них не догадался, что означала вся эта история для моей начальницы: если бы никто не обнаружил потные подмышки голландца, она бы ещё могла тешить себя иллюзией и закрыть глаза на врождённый изъян возможного жениха.

Теперь же она знала, что ничто невозможно между ней и Питом Крамером: позволить себе малейшую связь с ним было бы страшнее, чем уронить свою репутацию, это означало потерять лицо. Она могла быть счастлива от того, что никто кроме меня, а я была вне игры, не знал о видах, которые она строила на этого холостяка.

Высоко подняв голову и сжав челюсти, она принялась за работу. По её напряжённому лицу я могла судить о том, сколько надежд возлагала она на этого мужчину, и ведь всё прошло не без моего участия. Я подбадривала её. Разве без меня, она бы задумалась над этим всерьёз?

Значит, если она страдала, то большей частью по моей вине. Я подумала, что мне должно быть

это приятно, но радости не было.

Чуть больше двух недель прошло с тех пор, как я рассталась с должностью бухгалтера, когда разразилась драма.

Казалось, в компании Юмимото забыли обо мне. Это было самым лучшим, что со мной могло произойти. Я начинала наслаждаться своим положением. Благодаря полному отсутствию всяких амбиций, я не представляла себе прекрасней доли, чем сидя за столом, созерцать смену настроений на лице моей начальницы. Готовить чай и кофе, иногда выбрасываться из окна и не пользоваться калькулятором, вот и всё, что мне было нужно.

Обо мне бы так навсегда и забыли, если бы однажды я не совершила то, что принято называть оплошностью.

В конце концов, я заслужила свою участь. Я доказала начальству, что при всех моих благих намерениях, способна быть настоящим бедствием. Теперь все это поняли и молча решили: «Пусть она больше ни к чему не притрагивается!» И я с блеском справлялась с этой новой задачей.

В один прекрасный день мы услышали гром в горах: это вопил господин Омоти. Гул приближался. Мы смотрели друг на друга, предчувствуя недоброе.

Дверь бухгалтерии поддалась, как ветхая плотина, под давлением массы плоти вице-президента, который ввалился к нам. Он остановился посреди комнаты и крикнул голосом людоеда, требующего свой обед:

— Фубуки-сан!

И мы узнали, кто будет принесён в жертву карфагенскому идолу чревоугодия. За несколько секунд облегчение тех, кто временно избежал расправы, сменилось коллективным трепетом искреннего сопереживания.

Моя начальница тут же встала и напряглась. Она смотрела прямо перед собой, то есть в мою сторону, но, однако, не видя меня. Великолепная в своём затаённом ужасе, она ожидала своей участи.

На мгновение мне показалось, что сейчас Омоти вытащит саблю, спрятанную в складках жира, и снесёт ей голову. Если голова упадёт в мою сторону, я подхватчу её и буду бережно хранить до конца своих дней.

«Да нет, успокоила я себя, это методы других веков. Всё будет как обычно: он отведёт её в кабинет и устроит ей большую головомойку».

Но он поступил гораздо хуже. Был ли это приступ садизма? Или всё произошло, потому что его жертвой была женщина, тем более, очень красивая молодая женщина? Он не отвёл её в кабинет, чтобы задать трёпку, расправа произошла на месте на виду у сорока служащих бухгалтерии.

Нет ничего более унижительного для любого человека, тем более для японца, а ещё того более для гордой и возвышенной мадемуазель Мори, чем подобный публичный разнос. Монстр хотел, чтобы она потеряла лицо, это было ясно.

Он медленно приблизился к ней, как бы для того, чтобы заранее насладиться своей

разрушительной властью. У Фубуки не дрогнула ни одна ресница. Она была прекрасна, как никогда. Потом одутловатые губы Омоти задрожали, и из них залпом стали извергаться вопли, которым не было конца.

7

Голландец

Жители Токио говорят со сверхзвуковой скоростью, особенно когда ругаются. Вице-президент не только жил в столице, он был ещё толстяком холерического темперамента, что загромождало его голос отбросами жирной ярости: вследствие всего этого я почти ничего не поняла из бесконечного словесного вихря, налетевшего на Фубуки.

Но даже не зная японского, я могла бы понять, что происходит: в трёх метрах от меня измывались над человеческим существом. Зрелище было отвратительное. Я бы дорого дала, чтобы остановить его, но он вопил без передышки, и рычанию, исходившему из его чрева, не было конца.

Какое преступление совершила Фубуки, чтобы заслужить такое наказание? Я никогда этого не узнала. Но я знала свою коллегу: её компетенция, её пыл в работе и профессиональная ответственность были исключительны. Каковы бы ни были её прегрешения, без сомнения, их можно было простить. И даже если они были непростительны, можно было проявить снисхождение к этой выдающейся женщине.

Наивно было задавать вопрос, в чём провинилась моя начальница. Скорее всего, ей не в чём было себя упрекнуть. Господин Омоти был её шефом и имел право, если ему хотелось, найти незначительный предлог, чтобы удовлетворить свой аппетит садиста за счёт этой девушки с внешностью манекенщицы. Ему не в чём было оправдываться.

Внезапно, у меня промелькнула мысль, что я наблюдала эпизод из сексуальной жизни вице-президента, который вполне заслуживал называться эпизодом: с такими необъятными физическими данными, как у него, был ли он ещё способен спать с женщиной? Зато за счёт своих внушительных размеров он вполне мог драть глотку и криками заставлял содрогаться хрупкий силуэт красавицы. Сейчас он просто-напросто насиловал мадемуазель Мори, и если он предавался своим низменным инстинктам в присутствии сорока человек, то только затем, чтобы добавить к своему оргазму наслаждение эксгибициониста.

Я была права, потому, что увидела, как гнётся тело Фубуки. А ведь она была несгибаемой натурой, монументом гордыни, и если теперь её тело дрогнуло, значит, она подверглась сексуальному насилию. Её ноги, словно ноги измученной любовницы, не удержали её, и она рухнула на стул.

Если бы мне пришлось быть синхронным переводчиком господина Омоти, вот, как я бы перевела:

— Да, я вешу сто пятьдесят килограмм, а ты пятьдесят, вдвоём мы весим два центнера, и это меня возбуждает. Мой жир стесняет мои движения, и мне тяжело было бы довести тебя до оргазма, но благодаря моей массе, я могу опрокинуть тебя, раздавить, и мне это нравится, особенно в присутствии этих кретинов, которые на нас смотрят. Я обожаю смотреть, как

страдает твоё самолюбие, мне нравится, что ты не можешь защищаться, такое насилие мне по душе.

Не я одна понимала, что происходит. Окружающие меня коллеги были глубоко уязвлены. Они как могли отводили взгляд и скрывали свой стыд за папками с досье или экранами компьютеров.

Теперь Фубуки была согнута пополам. Её тонкие локти лежали на столе, сжатые кулаки подпирали лоб. Словесная стрельба вице-президента заставляла ритмично вздрагивать её хрупкую спину.

К счастью, я не была столь глупа, чтобы не сдержаться, т.е. поддаться рефлексу и вмешаться. Без всякого сомнения, это ухудшило бы судьбу жертвы, не говоря уже о моей собственной. Однако, я не гордилась своей мудрой осмотрительностью. Понятие чести чаще всего толкает на идиотские поступки. И не лучше ли вести себя по-идиотски, чем потерять честь? До сих пор я жалею о том, что предпочла мудрость порядочности. Кто-то должен был вмешаться, а поскольку рассчитывать было не на кого, я должна была принести себя в жертву.

Конечно, моя начальница никогда бы мне этого не простила, но она была бы не права: не хуже ли было то, как мы повели себя, пассивно присутствуя при этом мерзком спектакле, — не было ли в сто раз отвратительнее наше беспрекословное подчинение начальству?

Надо было мне засечь время этой ругани. У мучителя была лужёная глотка. Мне даже показалось, что чем дольше это длилось, тем сильнее он орал. Это доказывало, если в этом ещё была необходимость, гормональную природу всей этой сцены: подобно искателю наслаждений, силы которого восстанавливаются и удесятерятся от собственного сексуального пыла, вице-президент все более ожесточался, его вопли становились все громче, и все больше подавляли несчастную жертву.

В конце была совершенно обезоруживающая сцена. Не в силах устоять перед насилием, Фубуки сдалась. Только я слышала, как слабый голосок, голос восьмилетней девочки дважды простонал:

— Окоруна. Окоруна.

На языке виноватого ребёнка, самом безыскусном, каким говорит маленькая девочка, чтобы защититься от гнева отца, и как никогда не говорила мадемуазель Мори, обращаясь к начальству, это означало:

— Не сердись. Не сердись.

Смехотворная мольба полурастерзанной газели к хищнику о пощаде. Более того, это было чудовищным нарушением правил повиновения, запрета на защиту перед вышестоящим. Казалось, господин Омоти немного растерялся, услышав этот странный голос, что, впрочем, не помешало ему ещё пуще разразиться бранью. Возможно даже, что эта детская выходка стала лишним поводом для его самоудовлетворения.

Спустя целую вечность, то ли чудовищу наскучила игрушка, а может быть, это поднимающее тонус упражнение вызвало в нём чувство голода, и ему захотелось съесть двойной гамбургер с майонезом, он наконец удалился.

В бухгалтерии воцарилась мёртвая тишина. Никто кроме меня не осмеливался взглянуть на жертву. Несколько минут она ещё сидела обессиленная. Когда силы вернулись к ней, она

молча убежала.

Я знала, куда она пошла: куда идут изнасилованные женщины? Туда, где течёт вода, туда, где можно блевать, туда, где никого нет. В компании Юмимото таким местом мог быть только туалет.

И вот тут-то я и совершила свою оплошность.

Я была потрясена: надо бежать успокоить её. Напрасно я попыталась себя урезонить, вспоминая о том, как она унижала и оскорбляла меня, моё смешное сострадание одержало верх. Смешное, я подчёркиваю: поскольку, если уж действовать вопреки здравому смыслу, мне следовало бы встать между ней и Омоти. Это было бы по крайней мере храбро. А моё последующее поведение стало просто по-дружески глупым.

Я побежала в туалет. Она плакала перед умывальником. Думаю, она не заметила, как я вошла. К несчастью, она услышала, как я ей сказала:

— Фубуки, мне жаль! Я всем сердцем с вами. Я с вами.

Я уже приближалась к ней, протягивая дрожащую руку дружбы, когда увидела обращённый на меня её взгляд, переполненный гневом. Её голос, неузнаваемый в охватившей её ярости, прорычал:

— Как вы смеете? Как вы смеете?

Должно быть, я совершенно не блистала умом в этот день, потому что принялась объяснять ей:

— Я не хотела вам надоедать, я только хотела выразить вам свою дружбу...

В припадке ненависти, она оттолкнула мою руку, как турникет и крикнула:

— Да замолчите ли вы? Да уйдёте ли вы, наконец?

Делать этого я явно не собиралась, потому что застыла на месте.

Она шагнула ко мне. Хиросима была в её правом глазу и Нагасаки в левом. Я уверена: если бы она могла убить меня, она бы не колебалась.

Наконец, до меня дошло, что нужно было делать, и убралась восвояси.

Вернувшись в офис, я провела остаток дня, симулируя ничтожное занятие, размышляя о собственной глупости, а здесь было над чем подумать, если всё это действительно было глупо.

Фубуки была глубоко унижена на глазах своих коллег. Единственное, что она могла от нас скрыть, последний бастион чести, который она смогла сохранить, были её слезы. Она нашла силы, чтобы не заплакать в нашем присутствии.

И я, ума-палата, побежала смотреть на её рыдания. Как будто я хотела до конца упиться её позором. Она никогда не смогла бы понять, поверить, допустить, что мой поступок был продиктован нелепым сочувствием.

Час спустя несчастная снова сидела за своим столом. Никто не взглянул на неё. Она

посмотрела на меня, и её сухие глаза сверкали ненавистью. В них было написано: «Подожди, ты своё получишь».

Потом она принялась за работу, как ни в чём не бывало, а я снова задумалась.

По её мнению я просто хотела отомстить. Она знала, что в прошлом дурно обращалась со мной, и не сомневалась, что я хотела только мести. Если я пришла посмотреть на её слезы в туалете, значит, хотела получить то, что мне причиталось.

Мне так хотелось разуверить её, сказать: «Хорошо, это было глупо и неловко, но заклинаю вас верить мне: я сделала это только из доброго, смелого и глупого сострадания. Совсем недавно я злилась на вас, это правда, но когда я увидела, как глубоко вас унизили, во мне не осталось места ни для чего, кроме сочувствия. И вы, такая утончённая, можете ли вы сомневаться в том, что на этом предприятии, нет, на этой планете, есть кто-нибудь, кто восхищается вами так же, как я?»

Я никогда не узнаю, что бы она мне на это ответила.

На следующий день Фубуки встретила меня олимпийским спокойствием. «Она пришла в себя, ей лучше», подумала я.

Она степенно объявила мне:

— Я нашла вам новую работу. Следуйте за мной.

Мы вместе вышли из кабинета. Меня это немного встревожило: моя новая работа не связана с бухгалтерией? Что бы это могло быть? И куда она меня ведёт?

Просветление снизошло на меня, когда я увидела, что мы движемся в сторону туалетов. Да нет, подумала я. В последнюю секунду мы, конечно, повернём направо или налево, чтобы пройти в другой кабинет.

Мы не свернули ни вправо, ни влево. Она отвела меня прямо в туалет.

«Наверное, она привела меня в это уединённое место, чтобы поговорить о вчерашнем», подумала я.

Опять нет. Она невозмутимо провозгласила:

— Вот ваше новое место работы.

С уверенным видом она очень профессионально продемонстрировала мне те жесты, которые мне предстояло усвоить. Нужно было менять полотенце для рук на «чистое и сухое», когда оно было полностью использовано; нужно было следить за наличием туалетной бумаги в кабинках, — для этого она вручила мне драгоценный ключ от чуланчика, где хранились эти сокровища под охраной от посягательств служащих Юмимото, предметом вождения которых они, без сомнения, являлись.

Гвоздём программы стал момент, когда это прелестное создание, деликатно обхватив ладонью щётку для унитаза, стало со всей серьёзностью объяснять мне, как с ней обращаться, — неужели она думала, что мне это неизвестно? Никогда бы не подумала, что мне придётся однажды лицезреть эту богиню с подобным инструментом в руках. А уж тем более при

вручении мне этого скипетра.

Совершенно ошеломлённая я спросила:

— На чьё место я заступаю?

— Ни на чьё. Горничные делают эту работу вечером.

— Они что, уволились?

— Нет. Но вы должны были заметить, что их ночной работы не достаточно. Нередко в течение дня не хватает чистого полотенца или туалетной бумаги в кабинках, или унитаза остаётся не вымытым до вечера. Это ставит нас в неловкое положение, когда мы принимаем у себя представителей других компаний.

На мгновение я задумалась, что больше стесняло служащих Юмимото: вид унитаза, испачканного его коллегой или гостем. Я не успела найти ответ на этот вопрос, касающийся правил этикета, потому что Фубуки сказала, мило улыбаясь:

— Отныне, благодаря вам мы больше не будем испытывать неудобств.

И она ушла. Я стояла одна на своём новом рабочем месте, изумлённая, опустив руки. И тогда дверь опять распахнулась, и снова появилась Фубуки. Как в спектакле, она вернулась, чтобы добить меня:

— Я забыла: само собой разумеется, что ваши обязанности распространяются также и на мужские туалеты.

Подведём итоги. В детстве я хотела стать Богом. Очень быстро я поняла, что это было слишком и, слегка разбавив вино благословенной водой, решила стать Иисусом. Скоро я осознала, что и здесь зависла свои амбиции, и согласилась стать мучеником, когда вырасту.

Став взрослой, я убедилась померить манию величия и решила поработать переводчицей в японской фирме. Увы, для меня это было слишком хорошо, мне пришлось спуститься ниже и стать бухгалтером. Но моё молниеносное социальное падение совершенно не имело тормозов. И я была переведена на самый ничтожный пост. К сожалению, — и я должна была это предвидеть, — самый ничтожный пост был ещё слишком хорош для меня. И тогда я получила своё последнее назначение: я стала мойщицей унитазов.

Можно только восхищаться столь стремительным падением от божества до туалетной кабинки. Про певицу, способную перейти от сопрано к контральто говорят, что у неё широкая тесситура. Позволю себе подчеркнуть чрезвычайную тесситуру моих талантов, способных к пению на любом регистре, от Бога до мадам Пипи.

Когда моё изумление прошло, первое, что я ощутила, было чувство странного облегчения. Преимущество грязных писсуаров в том, что рядом с ними не боишься пасть ещё ниже.

Вот, что, вероятно, думала Фубуки: «Ты преследовала меня в туалете? Прекрасно. Тут тебе и место».

И я осталась там.

Думаю, что любой другой на моём месте, уволился бы. Любой другой, но не японец. Назначив меня на этот пост, моя начальница хотела вынудить меня уйти. Однако, уволиться, означало потерять лицо. Чистка унитазов, в глазах японца не была почётным занятием, но при этом не терялось лицо.

Из двух зол нужно выбирать меньшее. Я подписала годовой контракт. Его срок истекал 7 января 1991 года. Сейчас был июнь. Я выдержу. Я поведу себя так, как повёл бы себя японец.

В данном случае я следовала правилу: всякий иноземец, пожелавший обосноваться в Японии, считает для себя делом чести уважать обычаи Империи. Примечательно то, что обратный порядок был бы ложным: японцы возмущаются нарушением их правил поведения со стороны прочих наций, тогда как сами ничуть не заботятся о соблюдении чужих обычаев.

Я знала об этой несправедливости и всё-таки полностью ей подчинялась. Зачастую самые непонятные человеческие поступки являются результатом юношеской восторженности: в детстве я была настолько потрясена красотой моей японской вселенной, что это восхищение до сих пор питало меня эмоционально. Теперь мне открылся весь ужас той системы, которая отрицала всё, что мне было дорого и, однако, я оставалась верна ценностям, в которые больше не верила.

Я не потеряла лица. В течение семи месяцев я работала в туалетах компании Юмимото.

Так началась моя новая жизнь. Какой бы странной она ни казалась, у меня не было ощущения, что я коснулась дна. Не смотря ни на что, эта работа была не так ужасна, как работа бухгалтера, я имею в виду моё задание по проверке командировочных затрат. Между ежедневным извлечением из калькулятора умопомрачительных чисел и извлечением из чуланчика рулонов туалетной бумаги, я не колеблюсь в выборе.

На своём новом посту я уже не чувствовала себя недотёпой. Мой ущербный ум вполне мог справиться с новой работой. Больше не нужно было находить курс марки на 19 марта, чтобы переводить в йены счёт за номер в отеле и сравнивать свой результат с результатом такого-то господина, удивляясь, почему у него получалось 23254, а у меня 499212. Нужно было переводить грязь в чистоту, а отсутствие бумаги в её присутствие.

Санитарная гигиена невозможна без гигиены мысли. Тем, кто сочтёт мою покорность недостойной, я обязана заявить: ни разу за семь месяцев я не испытала чувства унижения.

В ту минуту, когда мне поручили эту работу, я погрузилась в другое измерение: теперь я на всё смотрела с усмешкой. Думаю, у меня сработал защитный рефлекс: чтобы выдержать семь месяцев, которые мне предстояло провести здесь, я должна была пересмотреть свои взгляды на жизнь.

И благодаря инстинкту самосохранения внутренний переворот свершился незамедлительно. Тут же в моих мыслях грязь стала чистотой, позор славой, мучитель жертвой, а мерзкое — комичным.

Я настаиваю на этом последнем слове. Я прожила в этом месте (об этом необходимо упомянуть) самый забавный период своей жизни, хотя там бывало всякое. Утром, когда метро привозило меня к зданию Юмимото, меня разбирал смех при одной мысли о том, что меня там ожидало. И позже, когда я уже заседала в своём министерстве, мне приходилось бороться с приступами безумного смеха.

На предприятии на сотню мужчин приходилось около пяти женщин, среди которых одна Фубуки достигла статуса начальника. Оставались ещё три сотрудницы, которые работали на других этажах, за мной же были закреплены только туалеты на сорок четвёртом этаже. Следовательно, дамская уборная 44 этажа находилась, если можно так выразиться, в безраздельном владении у меня и моей руководительницы.

Нужно ли говорить, что ограничение моих обязанностей 44 этажом доказывало полную бессмысленность моего назначения. Если то, что военные элегантно называют «следами торможения», так стесняло посетителей, я не понимаю, почему на 43 и 45 этажах они испытывали меньшее неудобство.

Я не стала об это спрашивать. Ведь тогда мне могли сказать: «Совершенно справедливо. Отныне уборные на других этажах также поступают в вашу юрисдикцию». Мои амбиции ограничились 44 этажом.

Мой пересмотр жизненных ценностей не прошёл даром. Фубуки была оскорблена тем, что, вероятно, сочла проявлением инертности с моей стороны. Было ясно, что она рассчитывала на моё увольнение. Оставшись, я спутала ей карты. Бесчестие пало на неё самое.

Естественно, она ни разу не заговорила об этом, но у меня были и другие тому доказательства.

Так, однажды, мне пришлось столкнуться в мужском туалете с самим господином Ханедой. Эта встреча поразила нас обоих. Меня потому, что я не представляла себе Бога в подобном месте. А его потому, что он не знал о моём продвижении по службе.

Мгновение спустя он улыбнулся, полагая, что по своей известной рассеянности, я ошиблась уборной. Однако, он перестал улыбаться, когда увидел, как я сняла мокрое и грязное полотенце и заменила его новым. Тогда он всё понял и больше не осмелился взглянуть на меня. Вид у него был весьма сконфуженный.

Я не надеялась, что этот случай изменит мою судьбу. Господин Ханеда был слишком хорошим руководителем, чтобы пересматривать приказы своих подчинённых, тем более, если они исходили от единственного на предприятии начальника женского пола. Однако, я уверена, что Фубуки пришлось объясняться с ним по поводу моего назначения.

На следующий день она зашла в женскую уборную и важно заявила:

— Если у вас есть жалобы, вы должны с ними обращаться ко мне.

— Я никому не жаловалась.

— Вы хорошо понимаете, что я имею в виду.

Я не так уж хорошо это понимала. Что мне делать, чтобы не думали, будто я хочу пожаловаться. Выбегать из мужского туалета, словно я зашла туда по ошибке?

Меня умилила фраза моей начальницы «если у вас есть жалобы...» Особенно мне понравилось слово «если»: предполагалось, что я должна быть всем довольна.

Согласно действующей служебной иерархии существовало два человека, в чьей власти было вызвать меня оттуда: господин Омоти и господин Саито.

Само собой, вице-президента не заботила моя судьба. Напротив, он принял моё продвижение с большим одобрением. Столкнувшись со мной в уборной, он весело воскликнул:

— Ну что, хорошо иметь работу?

Он говорил это без всякой иронии. Возможно, подобное занятие было необходимо для моего развития, а развивает только труд. Наконец-то на предприятии нашлось занятие для такого никчёмного существа, как я. Теперь я не зря получала свои деньги, что вице-президент весьма одобрял.

Если бы кто-нибудь сказал ему, что это меня унижает, он бы воскликнул:

— Ещё чего! Это ниже её достоинства? Пусть скажет спасибо уже за то, что может работать на нас.

С господином Саито всё было иначе. Казалось, вся эта история была ему крайне неприятна. Я заметила, что он очень боится Фубуки, от которой исходило в 40 раз больше силы и авторитета, чем от него. Ни за что на свете он не осмелился бы вмешаться.

Когда он встречался со мной в уборной, на его тщедушном лице появлялась нервная гримаса. Моя начальница была права, говоря о человечности господина Саито. Он был добр, но малодушен.

Самой неприятной была моя встреча с господином Тенси. Он вошёл, увидел меня и изменился в лице. Когда прошло первое удивление, лицо его стало оранжевым. Он пробормотал:

— Амели-сан...

Тут он умолк, понимая, что сказать больше нечего. Тогда он повёл себя странным образом: он тут же вышел, не сделав ничего, что обычно делают в таких местах.

Я так и не узнала, то ли нужда его исчезла, то ли он воспользовался туалетом на другом этаже. Я узнала, что господин Тенси нашёл наиболее благородный способ решения проблемы: он по своему осудил начальство за моё унижение, устроив бойкот уборной на 44 этаже. Я больше никогда не видела его там, а каким бы ангельским не был его характер, он всё же не мог быть бесплотным духом.

Потом оказалось, что он подал пример и своим подчинённым. Вскоре все работники отдела молочных продуктов перестали появляться в моей норе. Мало-помалу к мужскому туалету охладели работники и прочих отделов.

Я благословила господина Тенси. Более того, этот бойкот стал настоящей мстью Юмимото. Служащие, которые пользовались туалетами на других этажах, тратили время на ожидание лифта, в то время, как они могли употребить его с пользой для предприятия. В Японии это называется саботажем. Это одно из тягчайших преступлений, настолько отвратительное, что для него употребляют французское слово. Потому что нужно быть иностранцем, чтобы вообразить подобную низость.

Такая солидарность тронула меня и всколыхнула мою страсть к филологии: если слово «бойкот» происходит от имени ирландского помещика Бойкота, можно предположить, что в этимологии его фамилии есть намёк на мальчика 8. И действительно, моё ведомство игнорировали исключительно мужчины.

Гелкота 9 никто не объявлял. Зато Фубуки стала как никогда часто появляться в уборной. Она даже взяла в привычку чистить там зубы утром и вечером. Кто бы мог подумать, что её ненависть так благотворно повлияет на гигиену ротовой полости.

Она так злилась на меня за то, что я не уволилась, что под любым предлогом приходила поиздеваться надо мной.

Меня это смешило. Фубуки думала, что досаждают мне, в то время, как, напротив, я была счастлива так часто созерцать её грозную красоту в нашем гинекее 10. Ни один будуар в мире не был таким интимным местом, как женский туалет на 44 этаже. Когда открывалась дверь, я заранее знала, что это моя начальница, поскольку другие женщины работали на другом этаже. Таким образом, это было заповедным расиновским местом, где две героини трагедии встречались по несколько раз в день, чтобы написать очередную сцену яростного побоища.

Мало-помалу о бойкоте мужского туалета на 44 этаже стало известно всем. Теперь я встречала там лишь двух-трёх удивлённых коллег да ещё вице-президента. Думаю, что это он возмутился таким положением дел и доложил выше.

Таким образом, возникла настоящая тактическая проблема. Какой бы властью ни обладало руководство компании, оно не могло приказать своим служащим отправлять их надобности на своём этаже, а не на чужом. В то же время подобный акт саботажа был совершенно нетерпим. Нужно было что-то делать. Но что?

Само собой, ответственность за весь этот позор легла на меня. Фубуки вошла в гинекей и гневно заявила:

— Так дальше продолжаться не может. Вы снова ставите окружающих в неловкое положение.

— В чём я опять провинилась?

— Вам это прекрасно известно.

— Клянусь, что нет.

— Вы не заметили, что мужчины перестали пользоваться туалетом на 44 этаже? Они тратят время на то, чтобы ходить на другой этаж. Ваше присутствие их стесняет.

— Понимаю. Но не я выбрала себе это занятие, и вам это известно.

— Нахалка! Если бы вы умели вести себя с достоинством, этого бы не случилось.

Я нахмурила брови.

— Не понимаю, при чём здесь моё достоинство.

— Если вы смотрите на мужчин так же, как на меня, их поведение легко объяснить.

Я рассмеялась.

— Не волнуйтесь, я на них вовсе не смотрю.

— Почему же они чувствуют себя неловко?

- Это естественно. Их смущает присутствие лица противоположного пола.
- И почему же вы не делаете из этого никаких выводов?
- Какой вывод я должна сделать?
- Вас там быть не должно!
- Я освобождена от работы в мужском туалете? О, спасибо!
- Я этого не говорила!
- Тогда я не понимаю.
- Когда мужчина входит, вы должны выйти и дождаться его ухода, чтобы снова зайти.
- Хорошо. Но когда я в женском туалете, я не могу знать, есть ли кто-нибудь в мужском. Если только...

8

Воу (англ.) — мальчик

9

Girl (англ.) — девочка

10

Гинекей (гр.) — в древней Греции женская половина в доме.

— Что?

— У меня идея! Надо установить камеру в мужском туалете с экраном наблюдения в женском. Так я всегда буду знать, можно ли туда зайти!

Фубуки посмотрела на меня с ужасом:

— Камера в мужском туалете? Вы иногда думаете, о чём говорите?

— Мужчины не будут об этом знать! — продолжала я с невинным видом.

— Замолчите! Вы просто дурочка!

— Надо думать. Представьте себе, если бы вы поручили такую работу кому-то умному.

— По какому праву вы со мной пререкаетесь?

— А чем я рискую? Вы не можете меня больше понизить в должности.

Здесь я зашла слишком далеко. Я думала у моей начальницы случится инфаркт. Она пронзила меня взглядом.

— Будьте осторожны! Вы не знаете, что с вами ещё может случиться.

— Скажите мне, что.

— Берегитесь! И постарайтесь не показываться в мужском туалете, когда там кто-нибудь есть.

Она вышла, а я задумалась, была ли её угроза настоящей, или она блефовала.

Я подчинилась новому приказу, радуясь, что теперь могу реже посещать то место, где я имела тягостную привилегию узнать о том, что японский мужчина отнюдь не обладал изысканными манерами. Насколько японка боялась малейшего шума, производимого собственной персоной, настолько же мало это заботило японца самца.

Не смотря на то, что я теперь реже бывала в мужской уборной, служащие отдела молочных продуктов продолжали избегать туалета на 44 этаже.

Под давлением их шефа, бойкот продолжался. Да снизойдёт на господина Тенси вечная благодать.

По правде говоря, со времени моего назначения на этот пост, посещение туалетов на предприятии превратилось в политический акт.

Мужчина, который продолжал ходить в уборную на 44 этаже, рассуждал так: «Я во всём подчиняюсь начальству, и меня не интересует, унижают ли здесь иностранцев. Впрочем, им нечего делать в Юмимото.»

Тот, кто отказывался посещать родной туалет, считал так: «При всём моём уважении к начальству, я позволяю себе критически относиться к некоторым его решениям. Я также думаю, что было бы выгоднее использовать иностранцев на более ответственных постах, там, где они могли бы приносить пользу».

Никогда ещё отхожее место не становилось ареной столь ожесточённых идеологических споров.

У каждого в жизни однажды случается первый шок, который потом делит жизнь на «до» и «после», и одного мимолётного воспоминания о котором достаточно, чтобы снова испытать безотчётный и неизлечимый животный ужас.

Прелесть женского туалета компании Юмимото была в том, что в нём было большое застеклённое окно. В моей жизни оно занимало огромное место, я часами простаивала, прислонившись лбом к стеклу, бросаясь в пустоту. Я видела, как падает моё тело, ощущение этого падения было так сильно, что у меня кружилась голова. Именно поэтому я утверждаю, что никогда не скучала на своём рабочем месте.

Я была полностью поглощена падением, когда разразилась новая драма. Я услышала, как

позади меня отворилась дверь. Это могла быть только Фубуки, однако, это был не тот быстрый и отчётливый звук, с которым моя начальница толкала калитку. И шаги, которые затем последовали, не были шагами туфель. Это был тяжёлый топот снежного человека в период гона.

Всё произошло очень быстро, и я едва успела повернуться, чтобы увидеть нависшую надо мной тушу вице-президента.

На мгновение я была ошеломлена («Боже! Мужчина — если этот жирный кусок сала можно назвать мужчиной — в дамской комнате!»), затем меня охватила паника.

Он схватил меня, как Кинг-Конг блондинку, и выволок наружу. Я была игрушкой в его руках. Мой страх достиг предела, когда я увидела, что он тащит меня в мужской туалет.

Я вспомнила угрозу Фубуки: «Вы ещё не знаете, что с вами может случиться». Она не блефовала. Настал час расплаты за мои грехи. Моё сердце замерло. Мой разум составил завещание.

Помню, я подумала: «Он изнасилует тебя и убьёт. Да, но что сначала? Хорошо бы прежде убил!»

Какой-то мужчина мыл руки. Увы, его присутствие ничего не изменило. Омоти открыл дверь одной из кабинок и толкнул меня к унитазу.

«Твой час настал», — подумала я.

А он принялся конвульсивно выкрикивать три слога. Ужас мой был так велик, что я его не понимала, но, должно быть, это было нечто вроде крика «банзай» для камикадзе во время сексуального насилия.

В безумной ярости он продолжал выкрикивать эти три звука. Внезапно, на меня снизошло просветление, и я смогла расшифровать его урчание:

— Но пепа! Но пепа!

На японо-американском это означало:

— No paper 11 ! No paper!

Такую деликатную манеру избрал вице-президент, чтобы сказать, что в кабинке не было бумаги.

Я без лишних слов побежала к чуланчику, ключи от которого хранились у меня, и бегом вернулась обратно. Ноги мои дрожали, руки были увешаны рулонами туалетной бумаги. Господин Омоти наблюдал за тем, как я её вешаю, затем что-то прорычал, вытолкнул меня наружу и уединился во вновь оборудованной кабинке.

В совершенно растрёпанных чувствах я скрылась в женской уборной. Там я присела на корточки в уголке и залилась горькими слезами.

Как нарочно, Фубуки выбрала именно этот час, чтобы почистить зубы. Я увидела в зеркало, как она с полным пастой ртом смотрела на мои рыдания. В глазах её светилось ликование.

На одно мгновение я так возненавидела свою начальницу, что пожелала ей смерти. Внезапно

подумав о созвучии её фамилии с подходящим латинским словом, я чуть не крикнула ей:
"Memento mori! 12 "

Шесть лет назад я смотрела японский фильм, который мне очень понравился. Назывался он «Фурио», а в английском варианте «С рождеством, мистер Лоуренс». Действие разворачивалось во время войны в Тихом океане в 1944 году. Отряд английских солдат содержался в плену в японском лагере. Между англичанином (Дэвидом Боуи) и японским командиром (Рюити Сакамото) завязывались отношения, которые некоторые школьные учебники называют «парадоксальными».

Может быть потому, что я была тогда очень юной, фильм Осимы очень взволновал меня, особенно волнующие сцены очных ставок между двумя героями. В конце японец выносит англичанину смертный приговор.

11

No paper (англ.) — нет бумаги

12

Memento mori (лат.) — помни о смерти.

Самой потрясающей сценой в фильме была концовка, когда японец приходит посмотреть на свою полумёртвую жертву. Тело заключённого было закопано в землю так, что на поверхности оставалась только голова, выставленная на солнце. Столь изощрённая казнь умерщвляла пленника тремя способами: голодом, жаждой и жарой.

Это было хитро придумано, тем более, что цвет кожи англичанина был очень чувствителен к загару. И когда гордый и непреклонный военачальник приходил, чтобы предаться самосозерцанию над предметом своих «парадоксальных отношений», лицо умирающего имело черноватый цвет подгорелого ростбифа. Мне было шестнадцать лет, и такая смерть казалась мне прекрасным доказательством любви.

Я не могла не увидеть сходства между этой историей и моими злоключениями в компании Юмимото. Конечно, меня мучили по-другому. Но я всё-таки была пленницей в японском лагере, а красота моей мучительницы была подобна красоте Рюити Сакамото.

Однажды, когда она мыла руки, я спросила её, видела ли она этот фильм. Она кивнула. Должно быть, в этот день у меня был прилив смелости, потому что я продолжила:

— Вам понравилось?

— Музыка хорошая. Жаль, что история лживая.

(Сама того не зная, Фубуки была сторонницей умеренного ревизионизма, как и многие молодые люди сейчас в стране Восходящего Солнца. Её соотечественникам не в чём было себя

упрекнуть во время последней войны, а их вторжения в Азию имели целью защитить бедняков от нацистов. Мне не хотелось с ней спорить.)

Я только заметила:

— Думаю, здесь есть метафора.

— Какая?

— Метафора отношений. Например, между вами и мной.

Она озадаченно посмотрела на меня, словно спрашивая себя, что там ещё выдумала эта умственно-отсталая.

— Да, — продолжала я, — между вами и мной та же разница, что и между Рюити Сакамото и Дэвидом Боуи. Восток и Запад. За внешним конфликтом то же взаимное любопытство, то же недопонимание, скрывающее искреннее желание найти общий язык.

Несмотря на мои старания подбирать наиболее нейтральные сравнения, я чувствовала, что зашла слишком далеко.

— Нет, — сдержанно ответила моя начальница.

— Почему?

Что она возразит? Выбор был большой: «Я не испытываю к вам никакого любопытства», или «у меня нет никакого желания найти с вами общий язык», или «какая наглость сравнивать своё положение с участием военнопленного!», или «между этими двумя персонажами были неоднозначные отношения, а такого я ни в коем случае не приму на свой счёт».

Но нет. Фубуки была слишком хитра. Бесстрастным вежливым голосом она дала потрясающий по своей учтивости ответ:

— Вы не похожи на Дэвида Боуи.

Приходилось признать её правоту.

Я очень редко пускалась в разговоры на своём новом посту. Это не было запрещено, но неписаное правило удерживало меня от этого. Странно, но когда занимаешься столь малопривлекательным делом, сохранить достоинство можно только молча.

В самом деле, если мойщица унитазов болтлива, можно подумать, что ей нравится её работа, что здесь она на своём месте, и что эта должность придаёт ей весёлый вид и заставляет без умолку щебетать.

Если же она молчит, это значит, что её работа для неё то же самое, что умерщвление плоти для монаха. Незаметная в своей немоте, она несёт свой крест во искупление грехов человечества. Бернанос 13 говорит об удручающей банальности зла; мойщице унитазов знакома удручающая банальность испражнений, всегда одинаковых, несмотря на их отвратительные диспропорции.

Её молчание говорит о подавленности. Она кармелитка отхожих мест.

Таким образом, я молчала и размышляла. Например, несмотря на несходство с Дэвидом Боуи, я считала своё сравнение уместным. Наши истории были похожи. Фубуки не могла бы обречь меня на столь грязную работу, если бы совсем ничего не чувствовала ко мне.

У неё были другие подчинённые. Я была не единственной, кого она ненавидела и презирала. Она могла мучить и других. Однако, она упражнялась в своей жестокости только на мне. Должно быть, в этом была привилегия.

Я сочла себя избранной.

Эти страницы могут внушить мысль, что у меня не было другой жизни вне стен Юмимото. Это не так. Моя жизнь вне компании была очень насыщенной.

Однако, я решила не рассказывать здесь о ней. Прежде всего, потому что речь не об этом. И потом, учитывая количество моих рабочих часов, времени на эту личную жизнь оставалось мало.

Но самым странным было то, что когда я на своём посту в туалетах 44 этажа чистила за кем-нибудь унитаз, мне было трудно представить, что где-то там, вне этого здания, через 11 остановок метро, было место, где меня любили, уважали и не видели никакой связи между мной и щёткой для унитазов.

Когда во время работы я вспоминала о своей ночной жизни, мне хотелось сказать: «Нет. Ты выдумала этот дом и этих людей. Если ты думаешь, что они существовали до того, как тебя сюда назначили, ты ошибаешься. Открой глаза: что значит плоть человеческая в сравнении с вечностью фаянсовой сантехники? Вспомни фотографии разбомблённых городов: люди мертвы, дома скошены, но унитазы гордо возвышаются к небу, рассевшись на насестах водопроводных труб в состоянии эрекции. Когда наступит апокалипсис, города превратятся в сплошные леса из унитазов. Тихая комната, где ты проводишь ночь, люди, которых ты любишь, все это успокоительные иллюзии. Существом, выполняющим столь жалкую работу, по мнению Ницше, свойственно создавать себе иллюзорный мир, земной или небесный рай, в который они пытаются верить, чтобы найти утешение в своих зловонных условиях. Их воображаемый эдем настолько прекрасен, насколько гнусна их работёнка. Поверь мне: кроме уборных на 44 этаже ничего больше не существует. Все только здесь и сейчас».

Тогда я подходила к окну, пробегала глазами одиннадцать станций метро и смотрела в конец пути. Там невозможно было ни разглядеть, ни вообразить себе никакого жилища. «Ты прекрасно видишь: эта тихая обитель — плод твоего воображения».

Мне оставалось только прислониться лбом к стеклу и выброситься из окна. Я единственный человек, с которым произошло такое чудо. Падение из окна спасло мне жизнь.

13

Жорж Бернанос (1888-1948) — французский писатель.

Должно быть, и по сей день по городу разбросаны мои останки.

Прошли месяцы. С каждым днём время теряло смысл. Я уже не чувствовала его бег. Моя память стала похожа на рычаг для спуска воды. Вечером я его нажимала. Воображаемая щётка убирала остатки нечистот.

Некое ритуальное очищение, тщетное, потому что каждое утро унитаз моего мозга вновь обретал ту грязь, с которой расстался вечером.

Большинство смертных верно подметило, что туалеты — благоприятное место для медитации. Для меня, ставшей туалетной кармелиткой, представился случай для размышлений. И я поняла там одну важную вещь: жизнь в Японии — это работа.

Конечно, эта истина была уже неоднократно описана в экономических трактатах, посвящённых этой стране. Но одно дело прочесть, другое дело — прожить. Я проверила на себе, что это значило для служащих компании Юмимото и для меня самой.

Моя участь была не хуже остальных. Просто она была более унижительной. Но этого было не достаточно, чтобы я завидовала другим. Их жизнь была так же ничтожна, как и моя.

Бухгалтера, проводящие по десять часов в день за переписываем цифр, были в моих глазах жертвами, положенными на алтарь божества, лишённого всякого величия и таинственности. На протяжении вечности покорные рабы посвящали свою жизнь действительности, обгонявшей их: раньше, по крайней мере, они думали, что в этом есть нечто мистическое. Теперь же они не могли больше себя обманывать. Они зря проживали свою жизнь.

Япония — страна, в которой самый высокий процент самоубийств. Я лично удивляюсь тому, что самоубийства не происходят там ещё чаще.

Что ожидало бухгалтера с мозгом, иссушенным цифрами, вне стен предприятия? Обязательная кружка пива в компании таких же измученных, как и он сам, коллег, часы в переполненном метро, уже заснувшая супруга, усталые дети, сон, засасывающий подобно водовороту, редкий отпуск, с которым никто не знает, что делать: во всём этом нет ничего, что заслуживает название жизни.

Самое большое заблуждение — считать этих людей привилегированными по отношению к другим нациям.

Наступил декабрь, месяц моего увольнения. Это слово могло бы удивить: мой контракт заканчивался, а значит, речь об увольнении не шла. И всё-таки это было так. Я не могла дождаться вечера 7 января 1991 и уйти, ограничившись несколькими рукопожатиями. В стране, где до недавнего времени, по контракту или нет, нанимались на работу навсегда, невозможно было покинуть рабочее место, не исполнив при этом всех формальностей.

Чтобы соблюсти традиции я должна была заявить о моём уходе на каждой ступени иерархической структуры, то есть четыре раза, начиная с подножия пирамиды: сначала Фубуки, затем господин Саито, потом господин Омоти и, наконец, господин Ханеда.

Внутренне я была готова к этому. Само собой разумеется, необходимо было соблюсти главное правило, а именно: ни на что не жаловаться.

К тому же, я получила отцовские инструкции: эта история не должна была ни в коем случае повлиять на хорошие отношения между Бельгией и страной Восходящего Солнца. Значит, нельзя было дать понять, что хотя бы один японец повёл себя некорректно по отношению ко

мне. Единственная причина, которую я имела право назвать, — ведь мне надо было объяснить причину, по которой я покидала столь завидный пост, — могла быть передана только от первого лица единственного числа.

Логически это было совсем не трудно сделать, я должна была принять все заблуждения на свой счёт. Это было смешно, но я решила, что служащие Юмимото были бы только признательны мне за то, что таким образом они не теряли лица и сразу опровергли бы меня, протестуя: «Не говорите о себе так плохо, вы очень хороший человек!»

Я попросила мою начальницу об аудиенции. Она назначила мне встречу после обеда в пустом кабинете. Когда я увидела её, бес шепнул мне: «Скажи, что в качестве мадам Пипи ты могла бы зарабатывать больше в другом месте». Мне пришлось побороться с нечистым, чтобы усмирить его, и я уже еле сдерживала смех, когда уселась напротив красавицы.

Тут бес снова шепнул мне: «Скажи ей, что останешься только при условии, что возле унитазов поставят тарелочку, куда каждый будет бросать по 50 йен».

Я укусила себя за щеку изнутри, чтобы сохранить серьёзность. Это было так нелегко, что я не могла заговорить.

Фубуки вздохнула:

— Итак? Вы хотели мне что-то сказать?

Чтобы скрыть свой кривившийся рот, я опустила голову так низко как могла, что придало мне смиренный вид, который несомненно должен был понравиться моей руководительнице.

— Срок моего контракта заканчивается, и я хотела сообщить вам, со всем сожалением, на которое только способна, что не смогу возобновить его.

Я говорила робко и покорно, как и положено подчинённому.

— Да? И почему же? — сухо спросила она.

Чудесный вопрос! Значит, я не одна здесь ломала комедию. Я вторила ей карикатурным ответом:

— Компания Юмимото предоставила мне много разных возможностей проявить себя. Я буду ей бесконечно за это благодарна. Увы, я оказалась не на высоте и не смогла оправдать чести, оказанной мне.

Мне пришлось замолчать и снова закусить щеку, настолько то, что я несла, смешило меня. Фубуки же не видела здесь ничего смешного, поскольку сказала мне:

— Это верно. Как по-вашему, почему вы оказались не на высоте?

Я не сдержалась, подняла голову и посмотрела на неё с изумлением. Как можно спрашивать, почему я оказалась не на высоте в уборной? Неужели ей так хотелось меня унижить? И если так, то каковы были её настоящие чувства, которые она испытывала ко мне?

Следя за её глазами, чтобы не упустить её реакцию, я произнесла следующую грандиозную чушь:

— У меня не хватило на это умственных способностей.

Мне было не так важно знать, какие умственные способности нужны, чтобы чистить загаженный унитаз, как увидеть, придётся ли по вкусу моей мучительнице такое гротескное доказательство моей покорности.

Её лицо хорошо воспитанной японки осталось бесстрастным и непроницаемым, мне понадобился бы сейсмограф, чтобы уловить лёгкое сжатие её челюстей, последовавшее за моим ответом: она наслаждалась.

Не собираясь останавливаться на пути к наслаждению, она продолжила:

— Я тоже так думаю. Каковы, по-вашему, причины этой ограниченности?

Ответ был под стать вопросу. Я жутко забавлялась:

— Причина в неполноценности западного ума по сравнению с японским.

Очарованная моей покорностью, отвечающей её желаниям, Фубуки нашла справедливый ответ:

— Это правда. Однако, не стоит преувеличивать неполноценность среднего западного ума. Не думаете ли вы, что в вашей недееспособности повинен ваш собственный ум?

— Конечно.

— В начале я думала, что вы хотели саботировать Юмимото. Поклянитесь, что вы не симулировали свою глупость.

— Клянусь вам.

— Вы отдаёте себе отчёт в вашей ограниченности?

— Да. Компания Юмимото раскрыла мне на это глаза.

Лицо моей начальницы оставалось непроницаемым, но я чувствовала по голосу, что в горле у неё пересохло. Я была счастлива, наконец, доставить ей удовольствие.

— Таким образом, предприятие оказало вам большую услугу.

— Я буду ему за это вечно благодарна.

Мне очень нравился сюрреалистический оттенок, который приняла наша беседа, и который неожиданно доставил Фубуки такую радость. Это был очень волнующий момент.

«Дорогая снежная буря, если мне так просто доставить тебе удовольствие, не стесняйся, забросай меня жёсткими твёрдыми комьями, градинами, заточенными как кремь. Твои тучи отяжелели от ярости. Я согласна быть смертной, затерянной в горах, на которые они извергают свой гнев, брызги ледяной слюны летят мне прямо в лицо. Мне это не вредит, а зрелище это прекрасно. Ты хочешь изрезать мою кожу градом оскорблений, но ты стреляешь холостыми, милая снежная буря. Я отказалась завязать глаза перед твоим войском, потому что я так давно мечтала увидеть наслаждение в твоём взоре».

Я решила, что Фубуки достигла удовлетворения, потому что она задала мне вопрос, показавшийся мне простой формальностью:

— Чем вы думаете заниматься дальше?

Мне не хотелось говорить ей о рукописи, над которой я работала. Я отделалась банальным ответом:

— Я могла бы преподавать французский.

Моя начальница презрительно рассмеялась:

— Преподавать! Вы! Вы считаете себя способной преподавать!

Чёрт возьми, снежная буря, твои боеприпасы не иссякают!

Она задавала вопрос, но я не совершила глупости и не призналась в том, что имела диплом преподавателя.

Вместо этого я опустила голову.

— Вы правы. Я ещё не до конца осознала предел моих возможностей.

— В самом деле. Скажите прямо, чем бы вы могли заниматься?

Мне хотелось довести её до полного экстаза.

В старинном японском императорском своде правил поведения оговорено, что обращаться к Императору нужно с «дрожью и оцепенением». Меня всегда очаровывала эта формулировка, которая так хорошо соответствовала игре актёров в фильмах про самураев, когда они обращались к своему начальству голосом, искажённым сверхчеловеческим почтением.

Я надела маску оцепенения и задрожала. Со страхом взглянув в глаза молодой женщины, я пролепетала:

— Вы полагаете, что меня возьмут убирать мусор?

— Да! — воскликнула она, выдав себя этим порывом.

Затем она глубоко вздохнула. Я победила.

Потом мне нужно было объявить о своём увольнении господину Саито. Он тоже назначил мне встречу в пустом кабинете, но в отличие от Фубуки, ему было не по себе, когда я села напротив.

— Срок моего контракта подходит к концу, и я хотела с сожалением объявить о том, что не смогу его возобновить.

Лицо господина Саито исказилось множеством тиков. Я не могла понять, что это означало, и продолжила:

— Компания Юмимото предоставила мне массу возможностей проявить себя. Я буду ей за это вечно благодарна. Увы, я оказалась не на высоте и не оправдала большой чести, оказанной мне.

Маленькое тщедушное тело господина Саито нервно задёргалось. То, что я говорила, явно

смущало его.

— Амели-сан...

Его глаза шарили по углам комнаты, словно пытаюсь там найти нужные слова. Мне стало жаль его.

— Саито-сан?

— Я... мы... мне жаль. Мне не хотелось, чтобы все так произошло.

Увидеть искренне извиняющегося японца можно примерно раз в столетие. Я испугалась при мысли о том, что господин Саито пошёл ради меня на такое унижение. Это было тем более несправедливо, что он не имел никакого отношения к моим последовательным понижениям в должности.

— Вам не о чём сожалеть. Всё к лучшему. И моя работа на вашем предприятии меня многому научила.

Тут я не кривила душой.

— У вас есть планы? — спросил он меня с натянутой любезной улыбкой.

— Не беспокойтесь за меня. Я себе что-нибудь подыщу.

Бедный господин Саито! Это мне пришлось успокаивать его. Несмотря на некоторый профессиональный рост, он оставался японцем, одним из миллионов, одновременно являясь рабом и неумелым палачом той системы, которую, конечно, не любил, но не осмеливался критиковать по слабости характера и из-за отсутствия воображения.

Наступила очередь господина Омоти. Я умирала от страха при мысли оказаться с ним наедине в его кабинете. Но я была не права. Вице-президент пребывал в прекрасном расположении духа.

Завидев меня, он воскликнул:

— Амели-сан!

Он произнёс это с той восхитительной японской манерой, когда говорящий, называя человека по имени, подтверждает тем самым его существование.

Он говорил с полным ртом. Я попыталась по голосу определить, что он ел. Это было что-то вязкое, клейкое, что-то, что нужно потом отдирать от зубов языком. Однако, не такое липкое, чтобы прилипнуть к небу, как карамель. Слишком жирное, чтобы быть ленточкой лакрицы. Слишком густое для зефира. В общем, загадка.

Я снова нудно забубнила хорошо заученную речь:

— Срок моего контракта подходит к концу, и я хотела с сожалением объявить о том, что не смогу его возобновить.

Лакомство лежало у него на коленях, скрытое от меня столом. Он поднёс ко рту новую порцию: толстые пальцы скрывали то, что несли, оно было проглочено, а я не смогла разглядеть его цвет. Меня это огорчило.

Должно быть, толстяк заметил моё любопытство. Он достал пакетик и бросил его ко мне поближе. К моему великому удивлению, я увидела шоколад бледно-зелёного цвета.

Я озадаченно и с опаской посмотрела на вице-президента:

— Это шоколад с планеты Марс?

Он разразился хохотом. Конвульсивно икая, он произнёс:

— Кассеи но чокорето! Кассеи но чокорето!

Что означало: «Марсианский шоколад! Марсианский шоколад!»

Я удивилась такой реакции на моё увольнение. И эта холестерольная весёлость была мне весьма неприятна. Она все нарастала, и я уже представляла миг, когда сердечный приступ сразит вице-президента прямо у меня на глазах.

Как я объясню это начальству? «Я пришла объявить о своём увольнении, и это его убило.» Ни один человек в Юмимото не поверил бы такому: я была из того разряда служащих, чей уход мог только обрадовать.

Что касается истории с зелёным шоколадом, никто бы ей не поверил. От одной шоколадки не умирают, даже если у неё цвет хлорофилла. Версия об убийстве была бы гораздо более правдоподобной. Мотивов у меня хватало.

Короче говоря, оставалось надеяться, что господин Омоти не околеет, а то я могла бы оказаться идеальной убийцей.

Я уже приготовилась пропеть второй куплет, чтобы остановить этот тайфун смеха, когда толстяк выговорил:

— Это белый шоколад с зелёной дыней, его делают на Хоккайдо. Отменный вкус. Они великолепно воссоздали вкус японской дыни. Возьмите, попробуйте.

— Нет, спасибо.

Я любила японскую дыню, но мне не понравилось, что её вкус смешали со вкусом белого шоколада.

Мой отказ почему-то рассердил вице-президента. Он повторил свой приказ в вежливой форме:

— Мэссиагатте кудасай.

То есть: «Пожалуйста, попробуйте.»

Я отказалась.

Он начал спускаться ниже по языковым уровням.

— Табете.

Что значит: «Ешьте».

Я отказалась.

Он крикнул:

— Таберу!

Что означало: «Жри!»

Я отказалась.

Он задыхался от гнева:

— Пока срок вашего контракта не истёк, вы обязаны мне подчиняться!

— Да какая вам разница, съем я или нет?

— Какая наглость! Не смейте задавать мне вопросы! Вы должны подчиняться моим приказам.

— А чем я рискую, если не подчинюсь? Меня вышвырнут за дверь? Меня бы это вполне устроило.

В следующее мгновение я поняла, что зашла слишком далеко. Стоило лишь взглянуть на выражение лица господина Омоти, чтобы понять, что дружественные бельгийско-японские отношения дали трещину.

Инфаркт казался неотвратимым. Я пошла на попятный:

— Прощу меня извинить.

Ему хватило дыхания, чтобы рыкнуть:

— Жри!

Это было моим наказанием. Кто бы мог поверить, что дегустация зелёного шоколада могла стать политическим актом?

Я протянула руку к пакетику, думая, что возможно в саду Эдема всё происходило также: Ева совсем не хотела есть яблоко, но жирный змей в неожиданном и необъяснимом приступе садизма, заставил её это сделать.

Я отломилла зеленоватый квадратик и поднесла ко рту. Больше всего у меня вызывал отвращение его цвет. Я стала жевать, и к моему великому стыду это оказалось совсем не так уж противно.

— Очень вкусно, — сказала я скрепя сердце.

— Ага! Вкусный всё-таки шоколад с планеты Марс?

Он ликовал. Японско-бельгийские отношения снова были великолепными.

Проглотив причину казуса белли 14, я перешла ко второй части моей речи:

— Компания Юмимото предоставила мне массу возможностей проявить себя. Я буду ей за это вечно благодарна. Увы, я оказалась не на высоте и не оправдала чести, оказанной мне.

Господин Омоти вначале опешил, вероятно, потому, что уже совершенно забыл о цели моего визита, а потом расхохотался.

В своей наивности я полагала, что, унижая себя ради спасения их репутации, пресмыкаясь, чтобы не дай бог не упрекнуть их ни в чём, я вызову вежливый протест, нечто вроде: «Да нет же, вы прекрасно справились!»

Однако, вот уже третий раз я заканчивала свою нудную речь, а протест так и не прозвучал. Фубуки, которая вообще не собиралась оправдывать мои промахи, сказала, что со мной всё обстояло гораздо хуже. Господин Саито, как бы он ни был смущён моими злоключениями, не опроверг моей самокритики. Что же касается вице-президента, то он не только не собирался возражать мне, но и слушал меня с весёлым одобрением.

Всё это напомнило мне слова Андре Моруа: «Не говорите о себе слишком плохо, вам поверят».

Людоед вытащил из кармана носовой платок, вытер выступившие от смеха слезы и, к моему великому удивлению, высморкался, что в Японии считается верхом неприличия.

Неужели я так низко пала, что передо мной можно сморкаться, не стесняясь?

Потом он вздохнул:

— Амели-сан!

И больше ничего не сказал. Я поняла, что для него вопрос был исчерпан, встала, попрощалась и молча вышла.

Оставалась только встреча с Богом.

Никогда ещё я настолько не чувствовала себя японкой, как тогда, когда пришла объявить о своей отставке президенту. Перед ним моё смущение было искренним и выразилось вымученной улыбкой и сдавленным иканием.

Господин Ханеда принял меня с чрезвычайной учтивостью в своём огромном, залитом светом кабинете.

— Срок моего контракта подходит к концу, и я хотела с сожалением сообщить о том, что не смогу его продлить.

— Конечно. Я вас понимаю.

Он был первым, кто отнёсся к моим словам по-человечески.

— Компания Юмимото предоставила мне множество возможностей проявить себя. Увы, я оказалась не на высоте и не оправдала оказанной мне великой чести.

Он сразу же ответил:

— Это не правда, вы это прекрасно знаете. Ваше сотрудничество с господином Тенси показало ваши прекрасные способности в той области, где вы могли себя проявить.

Ага, всё-таки вот как!

Вздыхнув, он добавил:

— Вам не повезло, вы пришли в неудачное время. Я принимаю вашу отставку, но знайте, что если однажды вы решите вернуться, вам здесь всегда рады. И, конечно, я не единственный, кому вас будет не доставать.

Я уверена, что в последнем случае он ошибался. Однако, я не была от этого менее взволнована. Он говорил с такой подкупающей добротой, что мне стало почти грустно покидать свою работу.

Новый год: три дня ритуального и обязательного отдыха. В подобной праздности для японца есть нечто драматичное.

В течение трёх дней и трёх ночей не разрешается даже готовить пищу. Все едят холодные блюда, заранее приготовленные и сложенные в великолепные лаковые коробочки.

14

Casus belli (лат.) — повод к войне.

Среди праздничных блюд есть одно, которое называется омоти: рисовое печенье, которое я раньше обожала. В этом году, из ономастических соображений, я не смогла проглотить ни крошки.

Когда я подносила к своему рту омоти, я была уверена, что оно сейчас прорычит: «Амели-сан!» и разразится жирным смехом.

Затем я вернулась на работу в компанию на три дня. Взоры всего мира были прикованы к Кувейту, и все думали только о 15 января.

Мои глаза были прикованы к оконному стеклу в туалете, и я думала только о 7 января, это был срок моего ультиматума.

Утром 7 января я не могла поверить, что этот день всё-таки настал, так долго я его ждала. Мне казалось, что я работаю в Юмимото по меньшей мере лет десять.

Я провела этот день в уборной на 44 этаже в атмосфере религиозности: малейшую работу я исполняла с торжественностью жреца. Мне даже почти было жаль, что я не смогу проверить на деле слова старой кармелитки: «Быть кармелиткой тяжело только первые тридцать лет».

В шесть часов вечера, я умылась и пошла пожать руки тех немногих, кто каждый на свой лад давал мне понять, что считает меня за человеческое существо. Руки Фубуки среди них не было. Я сожалела об этом тем более, что совсем не держала на неё зла, но из самолюбия я заставила себя не прощаться с ней. В дальнейшем я решила, что повела себя глупо: пожертвовать созерцанием небесной красоты ради собственной гордыни было нелепо.

В половине седьмого я в последний раз вернулась в свою келью. Женский туалет был пуст. Уродливое неоновое освещение не помешало мне испытать волнение: семь месяцев моей жизни, нет, моего времени на этой планете — протекли здесь. Не из-за чего испытывать

ностальгию. И, однако, у меня был ком в горле.

Я инстинктивно шагнула к окну. Прислонив лоб к стеклу, я поняла, что это именно то, чего мне будет не хватать: не каждому дано парить над городом на высоте 44 этажа.

Окно было границей между ужасным светом и восхитительной темнотой, между ограниченным пространством и бесконечностью, между гигиеной и её невозможностью, между сливным бочком и небом. До тех пор пока будут существовать окна, самый последний из людей сохранит частичку свободы.

Последний раз я выбросилась из окна. Я увидела, как падает моё тело.

Удовлетворив свою жажду падения, я покинула компанию Юмимото. Больше меня там никогда не видели.

Несколько дней спустя я вернулась в Европу.

14 января 1991 года я начала рукопись под названием «Гигиена убийцы».

15 января истёк срок ультиматума, предъявленного американцами Ираку. 17 января началась война.

18 января на другом конце планеты Фубуки Мори исполнилось тридцать лет.

Время, согласно своей давней привычке, прошло.

В 1992 году был опубликован мой первый роман.

В 1993 году я получила письмо из Токио. Текст был такой:

«Амели-сан, поздравляю. Мори Фубуки».

Эта записка доставила мне удовольствие. Но одно восхитило меня больше всего остального: она была написана по-японски.